

и для повѣрки свѣдѣній, собираемыхъ въ прежнее время по дачамъ Черниговскаго уѣзда.

Успѣхъ статистическихъ занятій много зависитъ отъ послѣдовательной и самостоятельной дѣятельности межевыхъ комиссій, къ которой, въ настоящее время, въ Нѣжинской межевой комиссiи положено уже твердое основанiе.

О ПОЛЕВОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ВЪ БЕССАРАБIИ.

(Г. Бендеры, 4 iюня 1862).

Въ 1860 году, въ Бессарабiи былъ урожай не совсѣмъ обильный, но мыши довершили убытки сельскихъ хозяевъ, оставивъ ихъ безъ зерноваго хлѣба. Въ 1861 г. былъ неурожай. Всѣ хозяева жаловались. Въ настоящемъ не предвидится урожая, особенно сѣна, по крайней-мѣрѣ на югѣ Бессарабiи. Подумаешь: да развѣ первый годъ неурожая въ Бессарабiи! Неужели хозяева не обратятъ вниманiя на это явленiе? Пора бы давно! Но вотъ бѣда: каждый хозяинъ нашъ держится себя. Не удалось въ этомъ году, надѣется на будущiй; поэтому ведетъ и расходы насчетъ будущаго благополучiя. Не удалось въ этомъ году, нашъ хозяинъ не оставляетъ надежды и впредь, и такъ далѣе. Почему бы не составить помѣщикамъ общiй сѣздъ, въ которомъ каждый раскрылъ бы причины своихъ неудачъ? Одна голова хороша, а двѣ лучше, говоритъ пословица. Почему бы не посоветоваться всѣмъ вмѣстѣ, хотя бы по уѣздамъ? тогда вышло бы, что десять, двадцать или тридцать головъ еще лучше. Бѣда, видите, въ томъ, что бессарабскiе помѣщики раздѣлены на партiи. Это ясно мы видимъ при дворянскихъ выборахъ. Но пора и одуматься.

По наблюденiямъ, прошло уже, и, по естественному порядку, невозвратно, время, когда тучная земля Бессарабiи давала обильные урожаи. Урожай съ годами то возвышался, то понижался, а въ послѣднее время стали уже въ убытокъ. Давно эти убытки растутъ, а хозяйство идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ было за 30 или 40 лѣтъ; надежда вся на Бога, и причина всякому неурожаю Богъ. Но гг. хо-

хозяева забыли истину, что «береженого и Богъ бережетъ». Бессарабскіе урожаи видимо падаютъ, потому что, натурально, и земля, когда-то плодородная, истощилась и стала гораздо менѣе производительна. Кажется, довольно уже бывшихъ случаевъ, чтобы доказать гг. хозяевамъ, что обыкновенная кое-какая обработка земли недостаточна, а необходимо изслѣдовать почву, изучить ея свойства и теперешнее состояніе, и сообразно тому, что окажется, поступать съ работами на ней и двинуть начавшійся уже застой въ хозяйствѣ. Невелика штука выслать поселянъ съ плугами, да настаивать только, чтобы они орали, стараться, чтобы было побольше выорано, и хлопотать о томъ, чтобы побольше засѣять земли. Не въ этомъ дѣло. Бываетъ великъ колосъ, да пусть. Лучше меньше засѣять, побольше употребить на это средствъ, и тогда не будете жаловаться на неурожай. Самый климатъ Бессарабіи, который прежде былъ такимъ благотворнымъ, теперь уже не тотъ. Нѣсколько лѣтъ сряду засухи, отсутствіе зимы съ снѣгомъ, внезапные переходы отъ тепла къ холоду, чему много способствуетъ степное мѣстоположеніе края, отсутствіе лѣсовъ, беспощадная вырубка ихъ безъ вниманія къ будущему, отсутствіе поэтому влаги, а чрезъ это быстрыя перемѣны погоды, и лѣтомъ и зимою неблагоприятныя вѣтры, обиліе сорныхъ травъ. Скажите же, неужели всего этого гг. хозяева не замѣчаютъ?

Почва въ Бессарабіи черноземная по-преимуществу, глубиною до 4-хъ вершковъ и болѣе. Подпочва же глубокая, глинистая. Нѣтъ сомнѣнія, что, при изложенныхъ выше причинахъ, почва эта истощилась, потому что требуетъ обработки болѣе тщательной, очистки отъ множества сорныхъ травъ, своевременнаго вспахиванія, самаго тщательнаго разрыхленія и, наконецъ, удобренія. И удобреніе нужно такое, которое бы поддерживало влагу,—иначе земля засохнетъ, какъ и теперь бываетъ, и произведетъ слабый ростъ, покрываясь притомъ сорными травами. Должно сказать еще и то, что въ Бессарабіи ведется система полевого хозяйства вовсе неправильная; постоянный посѣвъ однихъ колосовыхъ растений истощаетъ почву, а особенно это нужно сказать о кукурузѣ; оттого годъ отъ году природное удобреніе становится для нея недостаточнымъ; оттого уже теперь необходима исключительная, тщательная обработка, а не такая, какая велась до сихъ поръ и теперь ведется, и пора отбросить мысль, что черноземъ не требуетъ обработки. Опытные хозяева утверждаютъ совершенно противное.

Бессарабія не можетъ нуждаться въ удобреніи, потому что страна

эта изобилуетъ скотоводствомъ. Помѣщики могли бы дать хорошій примѣръ крестьянамъ, которые терпятъ частые неурожаи и все-таки продолжаютъ вести свое хозяйство по примѣру предковъ своихъ, вспоминая о золотомъ старомъ времени и постоянно надѣясь на него. Отъ недостатка корма терпитъ скотъ бессарабскій. Недостатокъ этотъ частью происходитъ отъ малаго количества соломы по случаю неурожаевъ, частью отъ неурожаевъ сѣна вълѣдствіе засухъ. Недалеко взять зиму 1859 года на 1860, когда гг. владѣльцы платили за сѣно отъ 130 до 215 р. за стогъ, а продавали скотъ за безцѣнокъ, или отдавали скотъ свой за половину за зимовлю его. Поэтому въ Бессарабіи настоятъ крайняя нужда въ травосѣяніи. Прошло уже время степнаго содержанія скота по примѣру прежняго времени. Слѣдуетъ также завести правильный порядокъ содержанія скота въ холѣ. Здѣсь скотъ и лошади (табунами) содержатся и зимою на воздухѣ. Однѣ овцы имѣютъ коекакіе сараи. А въдъ Бессарабія не можетъ жаловаться на отсутствіе мѣстъ къ сбыту скота, особенно крупнаго рогатаго.

Для травосѣянія въ Бессарабіи особенно способны бы были: *овсяница* (*festuca ovina*) для овецъ, — *эспарцетъ* (*hedysarum onovrichis*) преимущественно въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, — *клеверъ*, который хорошо приготавливаетъ землю своими глубоко развѣтвленными корнями, — *люцерна* и прочія. И сѣна было бы довольно, потому что травы эти не боятся засухъ и земля удобрялась бы, особенно отъ клевера и люцерны. Примѣру хозяевъ-землевладѣльцевъ послѣдовали бы и другія землевладѣльческія сословія, которыя перестали бы полагаться только на Божію волю. Достать же сѣмена травъ сихъ очень легко. Стоитъ только обратиться въ инспекцію сельскаго хозяйства южной Руси, въ Одессѣ, или въ депо сѣмянъ, тамъ же. Сѣменами стоитъ только завестись только сначала, — потомъ уже можно имѣть ихъ отъ своихъ заставовъ.

Впрочемъ, какъ всякое нововведеніе не скоро принимается, то и необходимо практическое въ томъ убѣжденіе, а для этого весьма полезно было бы учредить *практическую сельскохозяйственную ферму*, изъ которой исходили бы примѣры веденія правильнаго хозяйства, сообразно бессарабскому климату, свойствамъ и требованію почвы, и которая вообще служила бы образцомъ для устраниенія чувствуемыхъ и съ годами увеличивающихся убытковъ отъ хозяйства; но чтобы образцовое хозяйство это велось именно на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ должны вести его помѣщики, съ соблюденіемъ возможно меньшихъ издержекъ, для этого полезно было бы купить какое либо имѣніе по-

среди Бессарабской области, населенное непрестанно, и на немъ уже вести и учредить правильное сельское хозяйство чрезъ опытныхъ и извѣстныхъ правительству лицъ, съ точною, подробною ежегодною отчетностію предъ всею обществомъ бессарабскихъ хозяевъ.

И такъ для того, чтобы поддержать сельское хозяйство въ Бессарабіи, полагаю не только полезнымъ, но даже необходимымъ сдѣлать слѣдующее: 1) учредить въ каждомъ уѣздномъ городѣ общество сельскихъ хозяевъ, изъ гг. владѣльцевъ, которые бы на сѣздахъ разсуждали о нуждахъ хозяевъ и о мѣрахъ къ улучшенію хозяйства и устраненію недостатковъ къ правильному веденію его. На сѣздахъ этихъ одинъ передавалъ бы другому свои мысли. 2) Уѣздному обществу слѣдуетъ выписывать хозяйственные журналы и газеты, на сѣздахъ обсуждать предметы, изложенные въ этихъ изданіяхъ и примѣнимые къ краю, поручая опыты нововведеній болѣе извѣстнымъ хозяевамъ, или кто на себя приметъ таковыя, съ тѣмъ, чтобы о результатахъ, кромѣ объявленія обществу на сѣздахъ, было бы печатаемо въ областныхъ вѣдомостяхъ, для общаго свѣдѣнія и другихъ уѣздныхъ обществъ, или издавать отъ общества особый журналъ. 3) Въ областномъ городѣ общіе сѣзды могутъ быть назначены одновременно съ дворянскими выборами и другими сѣздами дворянъ. 4) Имѣть одного агронома, который могъ бы указывать на примѣненіе данныхъ науки къ мѣстнымъ условіямъ. Необходимость сей мѣры ясно доказывается тѣмъ, что даже въ Пруссіи, гдѣ земледѣльческое образованіе и самое веденіе хозяйства стоятъ на болѣе высокой степени, сочли нужнымъ имѣть странствующаго профессора земледѣлія, который руководитъ хозяевъ. Притомъ агрономъ этотъ можетъ читать публичныя лекціи какъ на уѣздныхъ сѣздахъ, такъ и при областныхъ собраніяхъ дворянъ, во время выборовъ. 5) Изъ сословія государственныхъ крестьянъ и колонистовъ, Болгаръ и Нѣмцевъ, составить таковое же общество сельского хозяйства изъ выборныхъ членовъ, въ средоточіи главнаго населенія ихъ; для чего преимущественно полезно было бы учредить сѣзды въ колоніи Тарутино (иначе Анчакрѣкъ), куда на ярмарки сѣзжаются всѣхъ сословія люди изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ Бендерскаго и Аккерманскаго уѣздовъ, населенныхъ колонистами и крестьянами. 6) Общества эти должны употребить все усиліе и старанія къ введенію въ Бессарабіи правильнаго полеводства съ удобреніемъ земли, травостѣянія, порядка правильнаго содержанія скота, обереженія его отъ падежа, столь часто здѣсь повторяющагося, сбереженія лѣсовъ,

учрежденія правильного лѣснаго хозяйства и проч., подобно тому, какъ заведено это у Менонистовъ. и 7) Завести образцовое хозяйство въ центрѣ Бессарабской области, для чего купить особое имѣніе, съ возвращеніемъ издержекъ на покупку изъ доходовъ съ этого имѣнія въ извѣстное число лѣтъ. Полезнѣе всего было бы купить для сего имѣніе въ Оргѣвскомъ уѣздѣ. Лицъ, опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, доставить министерство государственныхъ имуществъ, департаментъ сельскаго хозяйства или инспекція.

Вотъ мои предположенія къ поддержанію хозяйства Бессарабцевъ. Дальнѣйшее развитіе ихъ зависитъ отъ самихъ обществъ бессарабскихъ хозяевъ. Желательно только, чтобы предположенія эти нашли поддержку въ обсужденіи и приведеніи ихъ въ исполненіе на самомъ дѣлѣ. Гг. бессарабскіе хозяева, конечно, согласятся съ приведенными выше доводами, потому что факты говорятъ сами за себя: они существуютъ на глазахъ всякаго.

Нельзя же сомнѣваться, чтобы хозяева не заглянули и въ будущее и не предупредили угрожающее общее и, такъ-сказать, повальное бѣдствіе отъ постоянныхъ неурожаевъ.

Вспомнимъ опять, что «береженаго и Богъ бережетъ», и что только тамъ возможно благо, гдѣ общество дѣйствуетъ соединенно, единодушно, а не каждый порознь.

К....ъ Павловъ.

ДО УКРАЇНСЬКОЇ ГРОМАДИ, ДО ВЕЛЬМОЖНИХЪ ПАНІВЪ— ПАДАЛІЦІ И ІНШИХЪ.

Хто читаєть торішню *Основу* (*), той добре пам'ятає справедливе слово Вл. В. Антоновича про п. Горжковського, котрого забажалося п. Падалиці оборонити вь такімъ несправедливімъ, вь такімъ сьдобишнімъ ділі. Ми ніколи не забудемо, що п. Горжковський, пошившись вь українського історика, закрившись офіціальною митрополічою бомагою, *позбіривъ*, вь нашихъ церковнихъ и монастир-

(*) VII-ма и X-та книжкѣ *Основи* 1861 и I-ва 1862 року.

ських архівахъ, усякі дієписні й праведчі (историчні й юридичні) акти, позабіравъ їх до себе та, дотого, нехай—би при собі, да хоч між нами—у націй землі—державъ їх до якого слүшного часу, а то—йти жъ сѣмү віри?—утігъ зъ тими актами до Риму и тамъ вже, волею чи неволею, попавсь у такі гарні рўки, що не то—щό акти, а й самъ зъ душею увьязъ... П. Горжковський поступивъ у законъ Іезуїтівъ! ні єдиного акту и досі не напечатавъ, а вже навбодить на Богдана Хмельницького якусь чудну славу и грїмає на нашихъ дієписцівъ... Ну, скажіть же, люде добрі: чи годїлося такъ починати, — не кажү вже — такъ докінчати? чи можна таке діло боронити? Отъ же, п. Падалиця трόхи-трόхи не признавсь (ми бъ ёму не повірили!), що й вінъ би зробивъ якъ п. Горжковський!.. Чόго, мовляли, тая приязнь не зможе! да не вь сімъ річъ, а отъ у чімъ:

Ми й досі не знали—не відали, чи сотню, чи тїсячу актівъ зібравъ у насъ п. Горжковський. Тільки, одного разу (бодай й не споминати!) перебірали ми картки нашого приятеля »Варшавської Библиотеки« (Biblioteki Warszawskiej) и, вь книжці за місяць Лютий 1859 року, изнайшли ось—яку звістку (слўхайте, пане Падалице и всі панове разомъ):

»Нашъ молодий землякъ, Маріанъ Горжковський збирає матеріяли для *дієписи Задніпрья* и вже має у себе зъ 2,000 гетьманськихъ универсалівъ, багацько гетьманськихъ власноручнихъ листівъ, переписку старшини козаської межі соббю, власноруччя Яреми Вишневецького, первописний универсалъ жінки ёго, княгині Могилянки Регіни, и жінки Богданової, Ганни!«

Отъ-що писавъ, на початку 1859 року, вірний чоловікъ — А. И. Новосільський! До сієї звістки п. Новосільський (чи, мо', хто інший), додавъ, що »такий запасъ актівъ виведе зъ туману на світъ правди те що було«—та не минуло...

П. Горжковський и досі не вивівъ насъ зъ туману!.. Мабуть, на насъ прийшла черга—ёго-самого вивести на світъ правди: бїдте, панове, самі нашими судьями. Прόсимо розсудити, чи годїтця жъ забирати да завозити бб'-зна-куди парόдню власність? іі жъ ни купити, ни відумати не можна, — вона, якъ щїра правда, одна на світї! Кому-кому, а намъ—якъ не жалковати, якъ не жалїтця на васъ, панове!.. У насъ вже стїльки тїєї правди забрато, що хочъ за тєю постїмо. Верніть намъ акти, п. Горжковський! Напишіть до

ёго, п. Падалице, нехай віддасть намъ що забравъ неправедно, напишіть до ёго усі панове, усі, кому дорога правда и честь народня! Дайте намъ звістку, що маєте вчинити,—щобъ у насъ на васъ жалю не було. Бо—колі ви самі не заведете сёго діла и не достанете нашого забраного добра, то—знайте—ми, Українці, самі почнемо добуватись свого права. Ми найдемо п. Горжковського у самімъ Ватикані; ми виведемо ёго на судъ усёго Слав'янського братства, усієї Европи: коли ёму не соромъ такє зчинити, то вамъ повинно бути соромно за вашого родака, хочъ вінъ и въ езуїти постригся и рідну зємлю покинувъ.

Чи такъ, миле братте??...

Ждатимемъ в'ашої, панове, одповіди два місяці,—найпершъ одъ васъ, п. Падалице!

ПИСЬМО Г. ГОРЖКОВСКАГО

въ редакцію »Варшавской Бібліотеки.«

Изъ старої (?) Украины.

(Черниговъ. 16 декабря 1858).

Съ того времени, какъ вопросъ объ улучшеніи народнаго быта сдѣлался жизненнымъ вопросомъ, многіе народолюбцы стали изучать въ прошедшемъ особенности народной жизни, историческую судьбу народа, законоположенія, которыми онъ управлялся, его обязанности и средства, коими онъ располагалъ. При нынѣшнихъ измѣненіяхъ въ судьбѣ народа, это изученіе весьма важно какъ въ практическомъ, такъ и въ научномъ, отношеніи.

При изученіи исторіи Украины, мы, не предвидя еще требованій настоящего времени, обращали вниманіе на прежній бытъ здѣшняго народа, въ-особенности на внутреннюю его жизнь, на законоположенія, коими онъ управлялся и на обязанности, которыя долженъ былъ исполнять. Мы собрали много—подлинныхъ или въ копіяхъ—гетманскихъ универсаловъ, процессовъ, дѣлъ, касающихся поземельнаго владѣнія и нѣкоторые слѣды законодательства, которымъ народъ управлялся—преимущественно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ,—но не раньше.

Хотя, по причинѣ бѣдственнаго положенія народа, оставшееся на письмѣ законодательство не можетъ дать точнаго понятія о прошедшемъ народа, которому не было предоставлено положительныхъ правъ, и который вообще зависѣлъ отъ великодушія мѣстной власти, — однако и эти письменные слѣды имѣютъ свое значеніе. Они показываютъ, какъ далеко простиралась опека правительства надъ народомъ, и когда сильнѣе или слабѣе проявлялась она въ прошедшемъ.

Украина, понимая ее въ тѣхъ границахъ, въ какихъ знали ее встарину, управлялась законами польскими (?), т. е. *Магдебургскимъ Правомъ*, *Литовскимъ Статутомъ*, и такъ-называемымъ *Саксонскимъ Зерцаломъ* (*Speculum Saxonicum*). Если въ какомъ-либо изъ этихъ сводовъ чего-нибудь недоставало для разрѣшенія дѣла, то обращались къ другому, какъ это дозволялось самимъ Литовскимъ Статутомъ, 4 разд., ст. 50. Но это не было обязательно, и дѣла часто рѣшались съобща засѣдающими въ градскихъ присутственныхъ мѣстахъ, въ ратушахъ. Кромѣ *войта*, *бурмистра*, *райцовъ* и *лавниковъ*, въ засѣданіе призывались и другія лица изъ почетнѣйшихъ жителей (называвшихся городскими обывателями) (*) и предъявленное общему суду дѣло рѣшалось общимъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ случалось, что строгія наказанія, назначавшіяся строгимъ въ то время закономъ, судъ отмѣнялъ, и что имъ было постановлено, то и приводилось въ исполненіе, безъ дальнѣйшаго утвержденія высшей власти. Отсюда и смертные приговоры, смотря по обстоятельствамъ, замѣнялись неоднократно болѣе легкими наказаніями — денежнымъ взысканіемъ, поклонами въ церкви и т. д. Въ зависимости отъ подобныхъ судовъ находились не одни крестьяне и мѣщане: рѣшеніямъ суда должны были подчиняться и призванные къ суду дьяки и русское духовенство, — почему въ судѣ присутствовали и извѣстнѣйшіе своею честностью священники.

Мы нашли нѣсколько подлинныхъ дѣлъ, имѣющихъ большое значеніе въ отношеніи къ языку и складу народной рѣчи. Въ дѣлахъ этихъ находятся слово-въ-слово показанія какъ крестьянъ, такъ и мѣщанъ, изложенныя тщательно и обозначенныя ковычками. Подобнаго рода памятники очень важны.

Недавно между русскими историками и нами происходилъ споръ

(*) Въ документахъ говорится: «знатныхъ, значныхъ и добрыхъ мѣскихъ обывателей».

объ украинскомъ (?) языкѣ: первые утверждали, что языкъ этотъ образовался въ высшей общественной сферѣ—въ дипломатіи, и къ народу не нисходилъ; другіе доказывали противное. И вотъ, изъ старинныхъ документовъ видно, что украинское нарѣчіе было нарѣчіемъ общепринятымъ и жило издавна въ народѣ: народъ самъ его создалъ, самъ его образовалъ, *принявъ за образецъ сосѣдній польскій языкъ (?)*. Даже русская церковь, при исполненіи обрядовъ, употребляла народное нарѣчіе ⁽¹⁾ и говорила народу его же языкомъ при самомъ обрядѣ Причащенія.

Польскіе законы дѣйствовали въ Украинѣ ⁽²⁾ почти до 1730 года. Петръ II обратилъ первый вниманіе на законодательство этой страны. Въ 1728 году онъ повелѣлъ украинскому гетману, Данилу Апостолу, призвать людей, знакомыхъ съ науками и законовѣдніемъ, и перевести законы на русскій языкъ, собравъ и соединивъ ихъ въ одну книгу.

Далѣе, въ 1734 г., Анна Іоанновна велѣла исправлявшему тогда должность гетмана, князю Алексѣю Ивановичу Шаховскому, соединивъ всѣ три свода законовъ, заняться переводомъ ихъ на русскій языкъ, поручивъ трудъ способнымъ къ тому лицамъ свѣтскимъ и духовнымъ мѣстной іерархіи, или изъ кіево-печерскаго монастыря. Изъ свѣтскихъ же повелѣла избрать генеральную старшину, полковниковъ и др., сколько для этого окажется нужно, и выполнить возложенное порученіе общими силами. Мѣстомъ для этого собранія былъ избранъ г. Глуховъ, гдѣ, послѣ разрушенія Батурина, обыкновенно пребывалъ гетманъ. Учрежденная такимъ образомъ коммиссія, собравъ дѣйствовавшіе здѣсь до того времени узаконенія, т. е. Литовскій Статутъ, Саксонское Зерцало, съ прибавленіемъ къ нему отдѣльно статей Права Магдебургскаго, или гражданскихъ (*cywilnych*) и хелминскихъ, составили новый сводъ законовъ. Въ немъ сдѣланы были многія измѣненія; все неясное изложено полнѣе: употреблявшаяся здѣсь до 1734 г., какъ и въ Польшѣ, монетная единица — *копа* замѣнена *рублями* и *копѣйками*. Наконецъ, такъ-какъ до этого времени здѣсь не было ни подкоморескихъ (межевыхъ) судовъ, ни возныхъ ⁽³⁾, необходимыхъ для веденія дѣлъ, то и они были учреждены, съ замѣною только преж-

(1) См. Требишки Петра Могилы, Балабана и др. *Горжск.*

(2) На лѣвой сторонѣ Днѣпра, откуда мы пишемъ настоящее письмо. *Горжск.*

(3) Разумѣется, со временъ Яна Казимира; въ царствованіе Сигизмунда III и Владислава IV они и здѣсь существовали, въ-особенности съ 1619 года.

нихъ названій русскими. Коммисію для преобразованія законовъ составляли слѣдующія лица:

Войсковый Обозный *Яковъ Лизогубъ*.
 Генеральный Хорунжій *Николай Ханенко*.
 Лубенскій Полковникъ *Петръ Апостолъ*.
 Бунчуковый Товаришъ *Семень Чуйкевичъ*.
 Бунчуковый Товаришъ *Яковъ Ограновичъ*.
 Полковый Писарь *Степанъ Савицкій*.
 Лубенскій Полковой Писарь *Семень Столпольскій*.
 Прилуцкій Полковой Сотникъ *Степанъ Лукомскій*.
 Стародубовскаго полка Мглинскій Сотникъ *Василій Лисевичъ*.
 Войсковый Товаришъ *Петро Хашкевичъ*.
 Войсковый Канцеляристъ *Тимофей Закровецкій*.

Изъ духовенства:

Иеромонахъ Никифоръ, игумень Петропавловскаго Глуховскаго монастыря.
 Игумень черниговской епархіи, троицкаго костянскаго почеповскаго монастыря, *іеромонахъ Товія*.
 Киевопечерской лавры соборный старецъ *іеромонахъ Варнавій Старицкій*.
 Киевской епархіи крелевецкій протопопъ *Федоръ Каленовскій*.
 Переяславской епархіи Быховскій намѣстникъ *Степанъ Древецкій*.

Вышеозначенныя лица окончили свой трудъ въ 1743 году и издали его въ одномъ томѣ in-folio majог. *Книга эта находится у меня* (*). Она чрезвычайно любопытна для всѣхъ, кто изучаетъ исторію Украины, а въ-особенности для специалистовъ — законовѣдовъ. Если бы кто-нибудь, по рѣдкости этой книги, не имѣя ее подъ рукою, нуждался въ какихъ-либо свѣдѣніяхъ, то предлагаемъ обращаться къ намъ. Подобнаго рода требованія будутъ удовлетворяемы мною съ большимъ удовольствіемъ.

Маріанъ Горжковскій.

(*) Какая судьба постигла эту драгоценность? Неужели и она увезена въ Римъ? неужели и списка не осталось?

ВІСТІ.

ЧАСТИНА ЛІСТУ

ВИСОКОПОВАЖНОГО ПРОФЕССОРА ВІ ЛЬВІВСЬКИМ УНІВЕРСИТЕТІ,
Якова Федоровича Головацького, до редактора.

(30-го січня 1862 р.) (*).

Милій брате—хоть незнакомий,
та все-таки рідний!

—Щоби не зь порожніми руками приходити кь вамъ, посилаю стишокъ молодого, даровитого, півця нашого: *нинішня наша пісня*, для поміщення, коли ласка, вь вашій часописі. Нехай и ваші люде знають, які гарні вірші у насъ виголошуються.

Поклоніться панові П. Ал. Кулішові и ёго чесній сопрузі и скажіть имъ, що той стишокъ голошений бувъ при отворенню нашого народнёго касина (клуба) підъ имямъ *»Руська Бесіда,«* вь *Народнімъ Домі*, вь тімъ куті, где, за ёго буття вь Львові, закладалися хундаменти и звітки вінъ взявъ собі на памятку каміньчикъ. Теперъ нехай би вони, чесні, побачили розмалёвані и красно устроєні комнати зь воскованими паркетами, украшені зернами та меблями, освітлені газомъ,—нехай би увиділи зібрану руську братію зь 50 до 100 чоловікъ, якъ вечерами забавляються та бесіднують, а все по-руськи, ажъ ся душа радує! Каби вони могли

(*) Щіримъ сірцемъ завіряємо васъ, давно-знаёмий и правдіво-мілий нашъ брате, що не нашою винюю оне тільки теперъ печатається вашъ дорогий листъ. — Не забувайте насъ; а ми до-віку-вічнёго — ваші побратими.

були прийти на заведеніє *Бесіди*, якъ то красенько виголошали наші молодці гарні стихи Тараса Шевченка, — якъ співали хоромъ наші співанки: *Миръ вамъ, браття! або: я счасний! руську матірѣ маю, и щирый Русинъ мій отецъ*, гарно, весело ажъ серце розпливалося, — каби, сердешні, були приїхали хоть на пробу танцівъ въ Бесіді, або и на нашъ *руський балъ*, котрий відбувся 23-го січня (января) въ редутовій салі на вдивовижу всього Львова, — най бы шановний панъ Кулішъ побачивъ, якъ то гарно по-козацьки поубиралися наші молодці-студенти, та гуляли зъ нашими львовськими красавицями *козака и коломыйку*, побрязкуючи брязькачами! — Эхъ! — сказавъ би сердега: »еще не умерла козацкая русская мати!«

Нашимъ публичнимъ виступомъ, показали ми нерадивимъ ворогамъ и недоброжелателямъ нашимъ, що Русини суть и живють своеріднимъ життемъ въ древній столиці руського князя Льва.

НИНІШНЯ НАША ПІСНЯ.

(Стихъголошений при отвореню *»Руської Бесіди«* въ *»Народнімъ Домі«* ві Львові, дня 9/21 января 1862 г.

Зхаменітся, будьте люде,
Бо лихо вамъ буде!

Т. Шевченко.

Въ котлині гірѣ городъ лежить,
Въ немъ проживає русьскій рідъ.
Надъ нимъ, якъ бузѣкъ надъ гніздомъ,
Сидить гора — що лишъ слідомъ
Свідчить, де замокъ Льва стоявъ,
Що въ грузи ся давно роспавъ.

Тому гордійша одъ сестриць,
Въ хащахъ не криє своїхъ лицъ,
Но вносять грізне чоло,
Надъ деревину гуць зело:
Хоть тамъ, де руській мечъ світивъ,
Помірчикъ віху застромивъ.

Підъ віхою старецъ сидить,
Въ задумі на городъ глядить,

Леготъ (*) му грає зъ бородавъ,
 Въ старимъ знать закипіла кровь,
 Бо раптомъ голову підвівъ,
 Вхопивъ за ліру—піснь запівъ:

—

»Городе славний князя Льва старого!
 Чи въ твоємъ лоні нить роду давного,
 Чи нить вже сили, давной руської сили,
 Чи руські діти всі вже у могилі?»

ГОМІНЬ:

»Могили!«

»Чи въ землі руській для руської груди
 Нема пристані, всі чужі люде?
 Чи руської пісні ніхто не заводить,
 Чи руська мати Русинівъ не родить?»

ГОМІНЬ:

»Родить!«

»Чи руські серця въ крицю ся змінили,
 Ледомъ на віки груди ся покрили?
 Любовъ до свого згасла благородна,
 Що ней кипіла руська грудь свободна?»

ГОМІНЬ:

»Холодна!«

»О, руські груди! о, груди зі сталі!
 Ви, щосьте дикихъ Татаръ зупиняли,
 Чи ось той креміль зъ грузівъ Льва палати,
 Зможе давнього ще огню вкресати?...«

(*) Леготъ—легкій весняний вітеръ, буцимъ—то зефіръ.

ГОМІНЬ.

»Кресати!«

Ту, якъ зо сну ся пробудивъ,
Старець на ноги ся схопивъ,
И тавъ глибоко чось зітхнувъ,
И чось тамъ въ небо споглянувъ,
Віттакъ пустився — где? — не знати —
За нимъ летівъ гомінь: »Кресати!«

Ой летівъ громомъ въ ёго слідъ,
Докъ не одбився о Бескидъ
И не затрясъ вокругъ горами,
И не скипивъ Дністра водами;
Віттакъ шибнувъ гень-гень степомъ,
Та й зупинився надъ Дніпромъ,
Надъ нимъ повисъ, ему співає,
За братню долю споминає.

А батько Дніперъ муркотій,
Звичайно, ось якъ той старий,
То посварить, то чось полає,
То буцімъ змовкне—продумає.
Въ-кінєць казавъ-бисъ, що згадавъ
Якъ то колись-то віковавъ,
Яка то въ него була доля—
Та й та козацька руська воля;
Бо згороївивъ чось хребетъ
И заривавъ, що ажъ геть-геть,
У Чорнімъ морі стогне, вріє,
Дума що ней Дніпро боліє.
А тутъ на березі сидить
Старець, що за Дніпромъ глядить,
Леготъ му грає зъ бородовъ,
Та й въ немъ знать закипіла кровъ,
Бо вхопивъ ліру, взявъ строїти,
Дніпрові пісню гомоніти:

»Гей, гей, Бескиде! ти мій рідний брате!
 Чи жъ не одна насъ породила мати?
 Чи жъ не одна насъ до серця тулила,
 Слезами наші тяжкі рани мила?»

БЕСКИДЪ:

»Мила!«

»Чи жъ не одна насъ вчила бесідити,
 Та й по-батьківськи Господа славити?
 Та не она жъ намъ провадила стиха:
 — Держітся купи, не бійтеся лиха!«

БЕСКИДЪ:

— — — »Зтиха!..«

»Гей, гей Бескиде! соколе мій милий!
 Чи бачишь, брате, ті сирі могили,
 Та чи ти чуєшь стонъ глухий, тяженький?
 — То на світъ духи просятья біленькій!«

БЕСКИДЪ:

»Ой чую, чую ті батьківські клики,
 Та й виджу, виджу те свято велике,
 Якъ зъ могилъ слава наша йме вставати,
 Та й станемъ вкупі долі добувати!«

ДНІПРО:

»Та й станемъ вкупі долі добувати!«

БЕСКИДЪ:

»Чую, якъ звіті ажъ по Чорне море
 Воздухи голосъ якійсь рідний поре:
 То Мати кличе на велике свято,
 А дітей стало багато, багато!«

ДНІПРО:

»То мати кличе на велике свято,
 А дітей стало багато, багато!!!«

Володиміръ Шаськевичъ.

О ХОДѢ КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА ВЪ КРЕМЕНЧУГСКОМЪ УѢЗДѢ (Полт. губ.)

Неопредѣленное отношеніе крестьянъ къ Положенію 19-го февраля, заявленное въ газетныхъ извѣстіяхъ изъ многихъ мѣстъ, не минуло Кременчугскаго уѣзда, гдѣ непризнание обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ за пользованіе землею и ожиданіе новаго *казеннаго* положенія черезъ 2 года, или въ неопредѣленномъ будущемъ, высказывалось крестьянами съ самаго начала. По объявленіи положенія, крестьяне, казалось, только и вынесли изъ него что убѣжденіе въ необходимости работать въ пользу помѣщиковъ два года, да указанныя въ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ облегченія въ исполненіи барщинной повинности. Весь прошлый годъ они отстаивали эти облегченія, спорили и защищали ихъ противъ помѣщиковъ—какъ будто ихъ принимали за послѣднее слово своей свободы.

О грамотахъ не было и помину; да едвали въ массѣ крестьянъ было распространено и самое названіе этихъ официальныхъ актовъ.

О переходѣ на новое положеніе крестьяне говорили какъ о далекомъ будущемъ. Помѣщики, между тѣмъ, въ прошломъ году совсѣмъ не представляли грамотъ. Къ веснѣ начались первые опыты введенія мировыми посредниками уставныхъ грамотъ, и въ то же время открылись мѣстныя сельскія ярмарки съ болѣе или менѣе значительнымъ стеченіемъ народа. Приходившій на эти ярмарки народъ, знакомый уже нѣсколько съ сущностію уставныхъ грамотъ, и быть можетъ подъ влияніемъ возбуждательнаго дѣйствія весенней атмосферы, приносилъ живое и сильное почувствованіе свободы. Не было конца толкамъ крестьянъ о свободѣ, объ уставныхъ грамотахъ и ожидаемомъ ими казенномъ положеніи.

Уставныя грамоты называли выдумкою пановъ, которые изобрѣли обязательныя къ нимъ отношенія съ цѣлью предупредить обѣщанную въ царскомъ манифестѣ свободу—черезъ два года. Принявшіе уставныя грамоты и давшіе свои руки крестьяне, по словамъ ораторовъ изъ крестьянъ—козаковъ, громко проповѣдывавшихъ въ собравшихся вкругъ ихъ кучкахъ, закабалили себя помѣщикамъ, и тѣмъ самымъ добровольно лишаютъ себя благодѣяній новой, ожидаемой, воли. Возбужденное воображеніе ораторовъ подсказывало имъ искреннія и заманчивыя черты новой воли, и изобрѣтало наказанія для малодушныхъ, подав-

шихся панамъ, заимствуя въ этомъ случаѣ, по свойственной нашему простому народу исключительности религіознаго воспитанія, свои краски изъ церковнаго міра. Говорили, что раждающихся дѣтей не будутъ крестить, умирающихъ лишать христіанскаго погребенія, и молодыхъ не станутъ вѣнчать. Наконецъ, всѣхъ взрослыхъ и физически крѣпкихъ будутъ ссылатъ въ Сибирь и отдавать въ солдаты. Возвратившіеся изъ ярмарочныхъ сходбищъ пропагандисты новой воли, въ своихъ селахъ встрѣчали возраженія со стороны волостныхъ урядниковъ знакомыхъ съ Положеніемъ, и отъ всѣхъ тѣхъ, кто, по степени образованія и своему нѣмецкому костюму, извѣстны въ селахъ подъ общимъ именемъ пановъ. Называя всѣхъ такихъ противниковъ своей пропаганды панами и людьми попаначившимися или предавшимися панамъ, крестьяне упорно стояли на своемъ рѣшеніи не принимать уставныхъ грамотъ, отказываться отъ земли, надѣяемой имъ панами за повинности и «ждать жданого». Увѣреній, — что уставныя грамоты вводятся по указу царя и что царь не намѣренъ дать другой воли, — никто не слушалъ.

При такомъ общемъ настроеніи крестьянскихъ умовъ и неизмѣнной, повидимому, хотя пассивной, оппозиціи положенію 19-го февраля началось введеніе уставныхъ грамотъ въ Кременчугскомъ уѣздѣ. Рѣшившись не входить ни въ какія соглашенія съ помѣщиками, ни даже о принятіи въ даръ четвертой части вышшаго душевого надѣла, крестьяне болѣе или менѣе значительныхъ имѣній, пользовавшіеся до сихъ поръ надѣломъ земли, объявляли, что до слушнаго часу будутъ работать, по прежде-установленному порядку, мужчины по 3, а женщины по 2 дня въ недѣлю. Полтавское губернское присутствіе, признавая употребленіе принудительныхъ мѣръ, въ случаѣ подобныхъ заявленій крестьянъ, неумѣстнымъ, считало такія грамоты окончательно введенными. Акты о повѣркѣ подобныхъ грамотъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ подписывались крестьянами, а въ другихъ они рѣшительно отказывались дать руки для подписи, и въ этомъ последнемъ случаѣ повѣрка грамотъ удостоверялась подписями однихъ добросовѣстныхъ изъ сосѣднихъ обществъ. Слушный часъ крестьяне, сколько можно было замѣтить на первыхъ порахъ, относили къ времени по окончаніи двухъ лѣтъ со дня объявленія положенія 19-го февраля; но теперь представленіе этого слушнаго часу, кажется, сдѣлалось неопредѣленнымъ.

Въ имѣніяхъ, гдѣ не было надѣла, крестьяне, оставляя за собою усадьбы, отказывались отъ надѣла полевой земли. Но были и та-

кія имѣнія, въ которыхъ крестьяне переходили на оброкъ, находя этотъ способъ исполненія повинностей за землю для себя болѣе удобнымъ, хотя всегда говорили, что они дѣлаютъ это только на текущій годъ, до слухного часу. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, крестьяне вошли въ соглашеніе съ своими помѣщиками о выкупѣ земли при содѣйствіи правительства, съ уступкою 20% изъ выкупной суммы. Это — крестьяне непрѣмѣнно зажиточные и расположенные къ своимъ помѣщикамъ, заслужившимъ ихъ довѣріе.

Недовѣріе крестьянъ къ уставнымъ грамотамъ и нежеланіе имъ подчиняться всего рѣшительнѣе выразилось въ Кременчугскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Базилевскаго, м. Пустовойтовомъ, гдѣ оказалось необходимымъ принятіе принудительныхъ мѣръ при содѣйствіи 2-хъ баталіоновъ драгунъ. Подробности этого дѣла такъ характеристичны, что пропустивши ихъ въ нашей лѣтописи, мы навлекли бы на себя, какъ намъ кажется, упрекъ со стороны людей, которые захотятъ посвятить время и серьезный трудъ изученію совершающейся теперь крестьянской реформы. Въ м. Пустовойтовомъ 480, записанныхъ по 10 ревизіи, душъ крестьянъ, пользующихся 1250 дес. помѣщичьей земли, что составляетъ, по мѣстному положенію для губерній малороссійскихъ, немного менѣе высшаго размѣра душеваго надѣла. Около 20 марта, мѣстный мировой посредникъ приступилъ къ повѣркѣ грамоты въ отсутствіи помѣщика. Со стороны крестьянъ было много возраженій относительно качества и мѣры находящейся въ ихъ владѣніи земли. Посредникъ разсматривалъ эти возраженія, осматривалъ земли и производилъ измѣренія; потомъ призналъ грамоту окончательно повѣренною, прочелъ ее на сельскомъ сходѣ крестьянамъ и объявилъ имъ, что за надѣляемую землю они должны работать въ пользу помѣщика, или платить ему оброкъ. Крестьяне приняли грамоту, но о повинностяхъ объявили, что какъ грамота прочитана, то они сами и земли ихъ свободны, и потому «ни робить, ни платить не будемъ». Посредникъ увѣрялъ крестьянъ, что онъ исполняетъ царскую волю; что царь другой воли имъ не дастъ и что имъ только остается повиноваться настоящему законному требованію начальства. На это крестьяне отвѣчали такими словами: «будемъ ждать того, що буде. Богъ насъ любить, царь милуетъ, а зъ панами намъ не жити». Посредникъ, рѣшившись испытать до послѣдняго силу своей діалектики, нѣсколько разъ сзывалъ громаду, и постоянно слышалъ отъ нея одинъ и тотъ же отвѣтъ. О волѣ крестьяне говорили, что коли царь ихъ уволилъ, то онъ далъ имъ

казенное положеніе, а не то, которое выдумывают паны. О землѣ, которая отводится въ надѣль по уставной грамотѣ, отзывались: «яка вона паньска, коли вона такажъ казенна якъ козака, або та, що підъ казенними крестьянами, що за неї платитця подать, царський оброкъ».

Послѣ неудачнаго введенія грамоты, крестьяне оставили работы. Громада запретила всѣмъ наниматься на работы въ пользу экономіи, и выскла нѣсколько человѣкъ, которые ослушались этого приговора. Между тѣмъ, посредникъ увѣдомилъ о случившемся предводителя дворянства и исправника, которые въ непродолжительномъ времени пріѣхали въ Пустовойтово, желая подѣйствовать на крестьянъ убѣжденіемъ. Говорили съ ними очень долго, но безъ успѣха, и наконецъ потребовали примѣнить неизбѣжное въ подобныхъ случаяхъ правило *divide et impera*: предводитель отдѣлилъ изъ толпы нѣсколько человѣкъ, говорившихъ громче другихъ; но истерпѣніе отдѣленныхъ взяло свое: они скоро бросились въ толпу, говоря: *«Громадо, щожъ ви мовчите?»* Тогда разъяренная громада бросилась къ предводителю и исправнику съ словами: *«чого ви приїхали робити бутівство, коли ми не бутіємось?»* По словамъ предводителя и исправника, они были въ опасности; но присутствіе духа у исправника, который, съ словами: *«тю—тію, дурні!»* бросился въ толпу, и вель съ нею спокойный разговоръ, успокоило волненіе. О случившемся въ Пустовойтовомъ тотчасъ былъ увѣдомленъ губернаторъ, и потомъ сдѣлано распоряженіе о высылкѣ на мѣсто двухъ эскадроновъ драгунъ. Губернаторъ, пріѣхавши въ Кременчугъ, отправилъ въ Пустовойтово мировой съѣздъ для убѣжденія крестьянъ. Между-тѣмъ, пока дѣлались распоряженія о высылкѣ военной команды, крестьяне ближайшаго къ Пустовойтову имѣнія помѣщика Капниста, дер. Пузыновой (450 душъ:), въ которомъ еще не была введена уставная грамота, оставили работы и ежедневно стали сходить въ пустовойтовскую громаду. Въ другихъ соседнихъ имѣніяхъ крестьяне также заговорили объ оставленіи работъ и дѣлали къ этому попытки, хотя нерѣшительныя. Исправникъ, приведши въ Пустовойтово драгунъ до прибытія мироваго съѣзда, и поставивши ихъ на бивакахъ на помѣщичьемъ дворѣ, призывалъ къ себѣ громаду: (Пустовойтовцевъ и Пузыновцевъ:). Когда исправникъ обратился къ громадѣ съ рѣчью, то она упала на колѣни, а позади колѣнопреклоненной толпы стояли женщины. Плачъ женщинъ и крикъ грудныхъ дѣтей дополняли собою и безъ того тяжелое впечатлѣніе этого грустнаго зрѣлища. На слова исправника и на его требованіе

повиноваться закону, поддерживаемое присутствіемъ военной команды, громада, съ неодолимою казалось рѣшимостію, отвѣчала: »ми въ вашихъ рукахъ: рѣште намъ горла, чи законуйте живихъ въ землю, а ми не подвоімъ своего слова: неприступимъ робить, або платить по уставній грамоті, и будемо ждать того, що намъ дастъ Богъ и Царь.« Такой же результатъ имѣло и убѣжденіе крестьянъ мировымъ съѣздомъ, которое выслушивала громада также колѣнопреклоненная и при той же обстановкѣ, хотя безъ женщинъ и дѣтей, невинченныхъ на этотъ разъ въ помѣщичій дворъ.

Трудно припомнить другое событіе въ этомъ родѣ, гдѣ бы раздѣленіе массы и образованнаго класса русскаго общества, выработанное исторіей послѣдняго времени, представилось съ болѣею наглядностію и въ полнотѣ, исключаяющей всякую возможность взаимнаго пониманія другъ друга, какъ въ настоящей моментъ. Ко всемъ доказательствамъ мирового съѣзда законности требуемаго повиновенія, народъ остается глухъ, ни однимъ словомъ не напоминаетъ о себѣ какъ о существѣ имѣющемъ права, которыми бы оправдывалось его сопротивление, и своимъ колѣнопреклоненіемъ, не говоря, говорить, что его можно принудить только силою. И это въ то время, когда онъ дѣйствительно получаетъ права, личныя и даже поземельныя, хотя послѣднія и ограниченныя по положенію. Когда народъ, упорствовавшій въ неповиновеніи, наканунѣ развязки пустоvoyтовскаго дѣла, расхаживалъ по селу, собираясь въ кучи, или сходилъ на помѣщичьемъ дворѣ, въ это время общество, во флигелѣ Базилевскаго, составившееся изъ членовъ мирового съѣзда, чиновъ земской полиціи, офицеровъ и помѣщиковъ сосѣднихъ имѣній, заинтересованныхъ въ дѣлѣ Путовойтовскихъ крестьянъ, представляло собою особый міръ, принадлежащій совсѣмъ другому порядку и неимѣющій ничего общаго съ сферою, въ которой обитаютъ крестьяне. Это не два свѣта Крашевскаго, въ которыхъ встрѣчаются помѣстившіеся надъ темною массою богатый и бѣдный землевладѣльцы, оба люди получившіе университетское образованіе, способные вмѣстѣ мыслить и чувствовать и вести между собою разговоръ, даже не затрудняясь въ выборѣ выраженій. Напротивъ, противоположность между панамъ и мужиками въ Путовойтовомъ, характеристически обозначенная присутствіемъ земской команды, такого свойства, что невозможны никакія соглашенія между ними, когда все зависитъ отъ употребленія физической силы. Правдивое разобщеніе между русскими образован-

ными людьми и русскою же темною массою представилось намъ до того рѣшительнымъ и рѣзкимъ, что переносясь мыслию въ исторію козацкихъ войнъ 17-го столѣтія, мы не могли не вспомнить бивачныхъ стоянокъ польской шляхты, воевавшей съ южно-русскими крестьянами. Это сближеніе пришло намъ въ голову въ кругу дворянской компаніи, собравшейся во флигелѣ Базилевскаго. Тамъ предполагали, что въ Пустовойтово придутъ крестьяне сосѣднихъ имѣній, оставившіе работы. Въ собравшемся кружкѣ были и такіе, которые ходили съ замирающимъ сердцемъ отъ страха тяжелыхъ послѣдствій неблагоприятнаго окончанія пустовойтовскаго дѣла. Нашелся между ними даже и резонеръ, большой приверженецъ красивой фразы, наподобіе риторъ 17-го столѣтія, который проповѣдывалъ, что на Пустовойтово теперь смотреть очами нетерпѣнія вся Европа, и что отъ исхода этого дѣла зависать судьбы Россіи, а съ нею и всей Европы; другіе убивали время въ бесѣдѣ за стаканами наливки, играли въ карты, болтали и смѣялись. Всѣ эти черты могли напомнить, при первомъ взглядѣ, давно минувшую эпоху украинско-польской исторіи, по нѣкоторому сходству обстоятельствъ, при которыхъ прежде и теперь выступали другъ противъ друга простодушная масса крестьянъ и образованный классъ землевладѣльцевъ; но не слѣдуетъ забывать, что въ существѣ дѣла представившаяся нашимъ глазамъ дѣйствительность далеко отлична отъ того, что было прежде, и по характеру вновь приобретенныхъ крестьянами гражданскихъ правъ и по степени гуманности отношеній къ нимъ малороссійскихъ пановъ, у которыхъ нельзя встрѣтить ни фанатической вѣры въ аристократическій принципъ, ни звѣрской жестокости самозабвенія противъ непокорныхъ.

Послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній, мировой сѣздъ, закрывъ свое засѣданіе, предоставилъ приведеніе крестьянъ въ повиновеніе исправнику, при содѣйствіи стоявшихъ въ боевомъ порядкѣ драгунъ. Исправникъ началъ съ того, что отдѣлилъ отъ толпы Пузыновскихъ крестьянъ; потомъ онъ арестовалъ нѣсколько человѣкъ Пустовойтовцевъ, которые, по указаніямъ разныхъ лицъ, оказались больше другихъ рѣшительными и дерзкими. Все это дѣлалось безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны крестьянъ. Когда начали сѣчь, то первый положенный подъ розги, послѣ нѣсколькихъ ударовъ, сталъ молить: *»помилуйте, паночку, голубчику! буду робити до-віку,«* а за ними вся громада, прося о помилованіи, сказала, что будетъ исполнять повинности по уставной грамотѣ. Такимъ образомъ устроилось

дѣло Пустовойтовскихъ крестьянъ, которые перешли по уставной грамотѣ на оброкъ.

За дѣломъ слѣдуютъ толки и разговоры между крестьянами, которыхъ мы не намѣрены исключать изъ нашей лѣтописи—если не находите ихъ совсѣмъ праздными. Въ одномъ селеніи, не въ далекомъ разстояніи отъ Пустовойтова удалось слышать такое мнѣніе крестьянина: *«було у всіхъ соглассе, а окошилось на одніхъ Пустовойтовцяхъ.»*

По введеніи грамоты въ Пустовойтовомъ, ближайшія къ нему селенія начали переходить на оброкъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне вошли въ соглашеніе съ помѣщиками о принятіи въ даръ четвертой части вышаго душевого надѣла, на что прежде они не могли рѣшиться по недовѣрію къ панамъ. Но въ имѣніяхъ, нѣсколько удаленныхъ отъ Пустовойтова, крестьяне, казалось съ перваго раза, оставались глухи къ этому, столь убѣдительному, уроку. Держась своего принципа, что уставныя грамоты выдуманы панамъ и что царь дастъ обѣщанную имъ волю черезъ два года, они обвиняли Пустовойтовцевъ въ дерзости противъ начальства и рановременномъ оставленіи работъ, такъ—какъ *«начальства треба слухати.»*

Не принимать уставной грамоты, объявлять ее панскою выдумкою, называть посредника орудіемъ панскихъ замысловъ и въ то же время говорить, что начальства треба слухать,—это такое противорѣчіе понятій, примиреніе котораго, съ нашей точки зрѣнія, рѣшительно невозможно. Но логика крестьянъ совсѣмъ не та, что у насъ: по-ихнему официальное лицо можетъ быть представителемъ высшей правительственной власти и вмѣстѣ орудіемъ противузаконныхъ интересовъ сословія. Ему нужно повиноваться, когда онъ говоритъ, что слушный часъ еще не пришелъ, и приказываетъ работать попрежнему, и, напротивъ, не слѣдуетъ вѣрять—если онъ обязательственныя отношенія, опредѣленныя по уставной грамотѣ, называетъ волею, которую далъ царь. Онъ дѣйствуетъ по долгу службы, наказывая крестьянина за неисполненную трехдневную работу, за потрапу поля, за порубку лѣса, возвращая помѣщику сдѣланный крестьяниномъ захватъ у него земли,—и злоупотребляетъ властью, объявляя крестьянамъ, что они не имѣютъ права отказаться отъ земли. На слова посредника: «Царь приказалъ оставить за вами земли, которыми вы пользовались до 19-го февраля 1861 года: потому ни вы не имѣете права отъ нихъ отказаться, ни панъ взять ихъ къ себѣ,» крестьяне отвѣчаютъ: *«а ми держать ихъ»*

не хочемъ.» Остановившись на этомъ пунктѣ, крестьянскій умъ уже не поддается никакимъ усиліямъ; и всѣ опроверженія такого заблужденія, которыя можетъ высказать посредникъ, дѣйствуя на основаніи положенія, только приведутъ крестьянъ къ словамъ: *»колибъ вонѣ такъ, якъ ви кажете, се бъ не було воли тиєї, що намъ давъ царь.*» Когда же крестьяне имѣютъ надѣль полевой земли и желаютъ удержать его за собою, то посредникъ, по мнѣнію ихъ,—еслибъ онъ дѣйствовалъ согласно съ высочайшею волею, долженъ бы былъ опредѣлить повинности, конечно, денежные и приказать безусловно ихъ исполнять; а какъ онъ спрашиваетъ у крестьянъ—хотятъ ли они отбывать издѣльную повинность, или переходать на оброкъ, и требуетъ у нихъ рукъ для подписи бумагъ, то онъ тянетъ руку за пановъ, и хочетъ обманомъ закабалить насъ, крестьянъ.

Введеніе грамотъ до слушнаго часа, т. е. что крестьяне продолжаютъ работать на прежнемъ основаніи, мужчины по 3, а женщины по 2 дня въ недѣлю, послѣ пустоытовскаго дѣла очень усилилось. Въ ожиданіи слушнаго часа, они или упорствуютъ работать попрежнему, или, отказываясь отъ полевой земли, оставляютъ за собою усадьбы, и освобождаются отъ работъ. О пользованіи надѣляемыми землями за повинности крестьяне отзываются, что послѣ слушнаго часа они станутъ платить оброкъ, если и другіе его будутъ платить. Отзывовъ объ уставныхъ грамотахъ и обязательныхъ отношеніяхъ за пользованіе помѣщичьею землею—какъ о выдумкѣ пановъ, теперь гораздо меньше слышно, и на объявленіе посредника, что такова воля царя, и что, по словамъ государя, онъ не даетъ другой воли, крестьяне лаконически отвѣчаютъ: *»ми се знаємъ,*» оговаривая иногда этотъ отвѣтъ словами: *»та мѣже жъ—таки царь намъ зрѣбить яку поліхкість.*» Въ такомъ взглядѣ крестьянъ на положеніе 19-го февраля, согласно отчасти съ печатно-высказываемыми мнѣніями передовыхъ людей образованнаго общества, нельзя не видѣть нѣкотораго движенія крестьянской мысли, высказывавшейся прежде въ неопредѣленныхъ и неувимыхъ съ практической стороны протестахъ противъ новыхъ порядковъ. Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что мысль крестьянъ приведена къ такимъ открытіямъ путемъ литературы или изуточною пропагандою; напротивъ, между крестьянами и либералами нѣтъ ничего общаго. На пути развитія тѣхъ и другихъ нѣтъ соприкосновенія, какъ не соприкасается и самая жизнь ихъ. Народъ не умѣетъ и не думаетъ отличать либераловъ

и прогресистовъ отъ не-либераловъ и консерваторовъ, называя безразлично тѣхъ и другихъ *панами*. Въ такомъ безразличномъ значеніи, народъ употребляетъ названіе пана.

Изложенныя въ настоящемъ обозрѣніи данныя показываютъ, что крестьянская реформа совершается въ Кременчугскомъ уѣздѣ спокойно, хотя крестьяне ждутъ чего-то новаго. Но это ожиданіе, обусловленное царскимъ указомъ, если на то будетъ воля Государя, не противорѣчитъ видамъ порядка, о которомъ можно предсказывать, что онъ не будетъ нарушенъ безъ особаго толчка съ какой нибудь стороны; очень опаснымъ въ этомъ отношеніи прежде казался вопросъ о собственныхъ крестьянскихъ земляхъ, которыхъ въ Малороссіи очень много. Но, благодаря просвѣщенному взгляду Полтавскаго губернскаго присутствія на этотъ предметъ, въ Кременчугскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, развивается мелкая частная собственность крестьянъ, путемъ признанія помѣщиками права крестьянъ на ихъ предковскія земли. Такимъ образомъ, помѣщики утверждаютъ за крестьянами земли, которыми они владѣли по документамъ формальнымъ и неформальнымъ, а также и безъ документовъ—если право крестьянъ на такія земли чѣмъ нибудь подтверждается, напримѣръ: увѣренностію въ этомъ правѣ всего крестьянскаго общества или владѣніемъ нѣсколькихъ поколѣній крестьянскаго рода. Извѣстнымъ участкомъ земли сверхъ надѣла, которымъ пользовались предполагаемые собственники наравнѣ съ другими крестьянами: — утверждаютъ за крестьянами земли, болѣею частью по мелочамъ, потому-что во владѣніи ихъ рѣдко попадаютъ большіе куски; но иногда признаются за ними и болѣе или менѣе значительныя пространства,—напримѣръ: помѣщица княгиня Долгорукая, въ Кременчугскомъ имѣніи своемъ сел. Крыкахъ, утвердила за крестьянами 500 дес. Извѣстные намъ примѣры утвержденія помѣщиками собственныхъ земель за крестьянами позволяютъ надѣяться, что слѣдуя направленію, данному Полтавскимъ губернскимъ присутствіемъ, вопросъ о собственныхъ крестьянскихъ земляхъ можетъ разрѣшиться съ желаемымъ успѣхомъ.

Въ-заключеніе, позволимъ себѣ указать, какъ на этнографическую черту малороссійскихъ крестьянъ, на тотъ замѣченный нами при введеніи всѣхъ вообще уставныхъ грамотъ пріемъ громадъ въ обсужденіи вопроса о предъявленной грамотѣ, что громады рѣшаютъ этотъ вопросъ единогласно. Ни одинъ членъ большаго или малаго общества никогда не высказываетъ своего мнѣнія противъ большинства, такъ

что уловка со стороны посредника привести крестьянъ къ принятію рамоты, спрашивая о ней не всю громаду, а каждое лицо по оди-ноткѣ, непременно сбиваетъ неизбѣжнымъ отвѣтомъ спрошеннаго: »на чѣмъ громада стѣне«. Въ глазахъ нашихъ, эта черта получаетъ особенный интересъ въ связи съ наблюденіемъ, сдѣланнымъ нами надъ сельскими сходами для выбора общественнаго пастуха и для принятія мѣръ призрѣнія бездомныхъ вдовъ и сиротъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, громада прежде всего справляется о желаніи или нежеланіи отдѣльныхъ лицъ быть пастухомъ, или принять въ домъ свой лицъ, нуждающихся въ призрѣніи, и, безъ согласія частнаго лица, она никогда не возлагаетъ на него этой общественной обязанности. Въ такомъ разграниченіи на практикѣ частныхъ отношеній и дѣлъ, касающихся всего общества, гдѣ громада представляетъ собою единую волю всѣхъ своихъ членовъ, нельзя не видѣть присутствія большого политическаго такта Малороссійскихъ крестьянъ, народный разумъ которыхъ, оставляя полную свободу личности въ сферѣ ея частныхъ отношеній, — въ отпращиваніи общественныхъ дѣлъ дѣлаетъ невозможнымъ злоупотребленіе личной свободы, подобно *liberum veto* польскихъ сеймовъ.

ИЗЪ—СКАГО УБѢДА.

I.

(Апрѣль 1862.)

✓ Введеніе уставныхъ грамотъ подвигается у насъ чрезвычайно медленно. Сильное, но понятное, конечно, недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, боязнь быть вновь закрѣпленнымъ, безграмотность — служить тому главною причиною. Крестьяне вѣрятъ всякимъ нелѣпымъ слухамъ, вѣрятъ коробейникамъ, вѣрятъ цыганамъ, солдатамъ, бродягамъ, — не вѣрятъ только помѣщикамъ да чиновникамъ. Вѣ въ однихъ имѣніяхъ крестьяне совершенно отказываются отъ надѣла, въ другихъ просятъ ниже низшаго душеваго надѣла. Крестьяне разсчитали, что за всякую десятину, даже и толочную, они должны платить помѣ-

щику $2\frac{1}{2}$ р. оброку, тогда-какъ, по существующимъ цѣнамъ, можно нанять за $1\frac{1}{2}$ и даже дешевле, смотря по мѣстности. При томъ же, наши крестьяне не привыкли нанимать землю за деньги. По существующимъ мѣстнымъ обычаямъ, крестьяне, какъ и малоземельные козаки, берутъ землю у богатыхъ землевладѣльцевъ *съ половины, съ третины и съ четвертины*. Взявшій землю съ половины обязать вспахать ее на свой счетъ. Вспаханная земля раздѣляется по-поламъ, и хозяинъ выбираетъ для себя любую половину. Половинщикъ застѣваетъ свою половину своими сѣменами, хозяйскую — хозяйскими. При уборкѣ, каждый собираетъ хлѣбъ съ своей части, но половинщикъ обязанъ свезти и хозяйскій хлѣбъ. Кромѣ того, половинщикъ даетъ хозяину такъ-называемый *басаринокъ*. Въ прежнее время, басаринокъ этотъ заключался въ какомъ-нибудь *гостинчикъ* подарокъ отъ половинщика — свѣжая рыба, голуби, баранчикъ; или же родичъ половинщика принесетъ съ Дону икры, балыка и т. п. *ласоцей*. Разумѣется, что гостинчики эти соразмѣряются съ количествомъ нанимаемой земли. Въ настоящее же время эти гостинчики замѣнились обязательствомъ половинщика отработать, въ пользу хозяина, извѣстное число дней, по условію.

Наши земледѣльцы охотнѣе берутъ землю *съ копѣй*, съ третьей или съ четвертой. Взявшій землю на такихъ условіяхъ обязанъ вспахать ее, сѣменить и убрать на свой счетъ. Хозяинъ получаетъ 3 или 4 часть, смотря по условію. Договоръ о наймѣ заключается, разумѣется, словесный, и мнѣ никогда не приходилось слышать жалобъ отъ хозяевъ на своихъ половинщиковъ. Такъ свято исполняются подобныя договоры. Въ сосѣднемъ отъ меня имѣніи ежегодно отдается на такихъ условіяхъ до 300 десятинъ земли и кромѣ признательности, сосѣдъ ничего не испытываетъ отъ своихъ половинщиковъ. Часто жена или сестра половинщика принесетъ гостинчика: яицъ, голубей, орѣховъ, грибовъ, рыбы, раковъ, смотря по времени года. Гостинчики эти даются независимо басарынка. Отказаться отъ нихъ значить обидѣть половинщика — *загордитьца*.

На такихъ-то условіяхъ и многіе изъ крестьянъ нашихъ желали бы брать землю у помѣщиковъ, оставляя за собою одни *грунта*, т. е. усадьбы.

Число народныхъ школъ въ нашемъ уѣздѣ весьма незначительно. Не имѣя данныхъ, трудно впрочемъ опредѣлить число ихъ положительно. Преподавателями въ нихъ священники. Способъ преподаванія дьяч-

ковскій. Руководства очень неудовлетворительныя: азбука, склады на разные манеры, обыденныя молитвы и два-три разсказа, до-того непонятныя для дѣтей, что злость беретъ. Наши попы смотреть на школу, по-большей-части какъ на средство заслужить одобрение начальства и получить по 2 р. ср. отъ *преуспѣвающаго* ученика. Въ одной только школѣ, именно въ м. Ж., мнѣ понравилось болѣе свободное обращеніе священника съ учениками, вслѣдствіе чего они не смотрятъ запуганными воробьями, и на вопросы отвѣчаютъ смѣло.

Что касается до общественныхъ вопросовъ, занимающихъ наше общество, то они чрезвычайно разнообразны въ уѣздѣ и въ городѣ. Въ глуши, въ стѣнныхъ хуторкахъ, толкуютъ о саранчѣ, которая залегла въ уѣздѣ; въ барскихъ покояхъ — о предстоящихъ выборахъ. Ждутъ большихъ переменъ. Изъ старыхъ чиновъ кто самъ думаетъ убраться по добру да поздорову, кого попросить. На уѣздные выборы собирается много люду. Общее желаніе избрать не только добраго человѣка, какъ въ старь бывало, но и дѣльнаго чиновника. Кой-гдѣ въ уголку прошинить кто: такой-де высокоблагородный и почтенный человѣкъ достоинъ бы выбора... Но два-три громкихъ голоса заглушаютъ и безъ того глухой шинъ. И господинъ съ почтеннымъ мнѣніемъ о почтенномъ человѣкѣ, не доумѣвая, смутно озирается кругомъ. По-быть-можетъ, такъ только говорятъ; посмотримъ что сдѣлаютъ на выборахъ.

Что касается до города, то тутъ статья другая. Толкуютъ все о городничихъ. Въ самомъ дѣлѣ, нашему городу какъ-то не везетъ на городничихъ. Въ 3 послѣдніе года ихъ было 8. Разскажу по порядку.

Года три тому назадъ городничимъ былъ у насъ Е-въ, — добрый человѣкъ. Какъ онъ тамъ служилъ—Богъ вѣдаетъ. По крайней мѣрѣ крупныхъ жалобъ на него не было. Но при немъ случилась въ городѣ такая исторія. Младшій медикъ полка, квартировавшій тогда въ городѣ, отправился вечеромъ въ лавку здѣшняго купца еврея N. и купилъ для себя 2 арш. фланели, по 70 к. ср. На другой день, утромъ, медикъ, осматрѣвъ покушку, нашелъ, что фланель—дрянь. Не теряя времени, онъ идетъ въ ту же лавку, (по застанетъ тамъ не того еврея у котораго вчера купилъ фланель, а другаго) и требуетъ, чтобы еврей непременно перемѣнилъ фланель. Тотъ не соглашается. Слово-за-слово—медикъ жидѣ въ ухо. На крикъ сбѣжались евреи, узнали въ чемъ дѣло, и медика подъ руки вывели изъ лавки. Видя такое посярпаніе, медикъ бѣжитъ въ квартиру това-

рищей. «Господа! насъ быють, и кто жь?... Жиды!!!!» Вспоми-
лись офицеры, и консилиумомъ рѣшили—наказать жидѣ примѣрно.

На другой день, утромъ, медикъ *со товарищи* идетъ къ лавкѣ еврея
а между-тѣмъ одинъ изъ *со товарищи*, считавшійся въ полку юрис-
томъ, идетъ въ полицію и объявляетъ городничему, что вотъ скандалъ
въ городѣ, случилась такая—де исторія, отъ которой могутъ всѣ по-
страдать, а потому «вы посадите жидѣ сейчасъ же въ тюрьму, или
велите при насъ же выѣчь его розгами». Городничій отвѣчаетъ,
что нужно подать объявленіе, Полиція произведетъ слѣдствіе и...» —
«Что вы мнѣ толкуете,» кричитъ поклонникъ Марса: я вамъ говорю
выѣчь жидѣ розгами». — «Да помилуйте! кнутовищъ нельзя безъ суда
ѣчь розгами. Да какъ фамилія этого еврея?» спрашиваетъ городни-
чій. — «Все равно, какая бы ни была; а если вы не хотите удовле-
творить справедливой нашей жалобы, такъ мы сами расправимъ-
ся.» — «Я вамъ дамъ квартальнаго,» говоритъ, наконецъ, город-
ничій; укажите еврея и пусть онъ приведетъ его въ полицію. » Не
успѣвъ квартальный выслушать инструкцію городничаго, — офицеръ вы-
шелъ изъ полиціи и въ ту же минуту поднялся страшный гвалтъ жи-
довъ на площади. Младшій медикъ со товарищи ворвались въ лавку,
схватили жидѣ, передали солдатамъ, а тѣ почти на рукахъ донесли
его въ больницу, гдѣ были уже заготовлены розги. Выѣкли жидѣ...
П гордь и счастливъ младшій медикъ со товарищи... Невесело только
жиду да городничему. Оказалось, что выѣкли не того, который про-
далъ фланель и не того, который посрамилъ офицерскій мундиръ, а треть-
яго—совершенно безвиннаго. Еврей подалъ жалобу. Началось слѣд-
ствіе. До рѣшенія дѣла, городничаго удалили отъ должности, лишили
половины жалованья и пансіона. Дѣло тянулось 3 года.

Въ это смутное для города время, городничіе такъ часто мѣня-
лись, что горожане, проснувшись поутру, спрашивали: «а кто сегод-
ня городничимъ?» — Наконецъ насталъ *Жерновъ*, столь прославившій-
ся въ «Искрѣ» знаніемъ Россійской географіи. Не долго усидѣвъ и
тотъ. Его мѣсто занялъ *Быкобразъ*. Много занимательнаго можно бы
рассказать о передачѣ должности *старымъ новому*. Случилось, ви-
дите, такъ, что *новый* пріѣхалъ наканунѣ зимнихъ праздниковъ. А
известенъ похвальный обычай нашего купечества—дарить чиновниковъ
гостинцами во празднички. А тутъ вышло двугородничество. *Старый*
медикъ сдавать должность, *новый* торопится принять. Какъ же тутъ
быть? Котораго дарить?—Пока купечество разрѣшило *это суми-*

тельство—и празднички прошли. Дарить гостинцами *ужь не приго-же стало*. — Такъ и остались городничіе безъ гостинчиковъ; чуть было не поссорились между собою, упрекая другъ друга въ *эгоизмъ*.

Но когда, послѣ праздниковъ, *старый*, по обычаю, пришелъ къ *новому* прощаться, — пошла, разумѣется, выпивка, угощеніе и затѣмъ *интимная бесѣда*. Тутъ только обнаружилость, что *новый* и гостинчиковъ всего-то получилъ 1 фунтъ чаю, и то принесъ уже какой-то набожный купецъ. Качая уныло головой, но глядя умильно на чай (который, въ—доказательство, тутъ же былъ вынутъ и поставленъ) держалъ *старый* такую рѣчь къ *новому*: «дураки мы оба! И говорилъ же я, что на время праздниковъ нужно было быть *одному* изъ насъ *настоящимъ* городничимъ. Послѣ мы бы подѣлились миролюбивымъ—образомъ. А теперь что?!»

Мысль эта поразила, отуманила *новаго*, проникла, такъ—сказать, до глубины души его и вмѣстѣ съ тѣмъ вселила нѣчто въ родѣ уваженія къ *старому*. «Вѣкъ живи, вѣкъ учись, прошепталъ онъ сквозь зубы, принимаясь за рюмку *усладительной*.» — Нѣтъ! вѣкъ живи, а дуракомъ умрешь, съ какимъ—то остервененіемъ крикнулъ *старый*, обращаясь къ той же *усладительной*.» — И городничіе *чокнулись*; затѣмъ, *усладившись*, поцѣловались и разстались пріятелями, возложивъ все упованіе на будущее.

Между—тѣмъ, въ городѣ полученъ указъ Сената по дѣлу Е-ва. Сенатъ разсмотрѣвъ дѣло, оправдалъ Е-ва, освободилъ его отъ подсудности, возвратилъ жалованье, пансіонъ и допустилъ къ должности. Какъ—только узнали объ этомъ въ городѣ—рѣшили дать балъ съ музыкой въ честь Е-ва. Составили подписку, собрали до 200 р., ра-

али билеты и загуляли... Замѣчательнѣе всего, на этомъ балѣ, было то, что не вышло скандала. А, говорятъ, ни одного бала, ни одного собранія въ городѣ не обходилось безъ скандала. Не забудьте, что на этомъ балѣ были кушцы и евреи съ семействами... И не вышло скандала!!

Пріяель—хуторянинъ.

ЗЪ ТАРАЩИ (Київської губ.).

(26 червця 1862 р.).

Давно вже збірався я заговорити до васъ нашою ріднєю українською мовою, та все боявсь, щобъ не вийшло воно (якъ отъ, часомъ, не прогнівайтесь, бува й въ *Оснoві*) дуже робляне, *коване*, якъ каже в.-п. д. Шейковський. Інший пише, якъ хлїбъ ріже, а инший, бідолаха, думку має добру, та за словомъ мусить лазити у кишеню. Але, думаю собі, вовка боятись, то й въ лїсѣ не йти,—треба спробувать: »щѣ буде, то́ буде,—а буде те́, щѣ Богъ дасть.»

Ось и пишу... та не знаю тільки, про щѣ й писать; по сїльськихъ школахъ літомъ не вчаться, то й не дознається нічого; за волю нема що й казати, та ви вже, мабуть, знаєте, що нігдѣ не хтять підписувати ті грамати. Воно й не диво; отъ у насъ, напри́мїръ, чиншу положано за десятину поля 3 карб. 30 коп., а за горѣдъ по 5 карб. 40 коп. відъ десятини. Чижъ таке видано! Ажежъ въ насъ чиншова шляхта платить за поле по 4¹/₂, а 2 карбованьці—то вже найбілше. А ще кажуть, що то все мужики вишні, що до цієї пори ладу ніякого нема.

Въ іднімъ селі панъ почавъ вмовляти громаду, щобъ підписували грамоту, й мировий приїхавъ. Не хочуть, та й годі. »Велика дуже ціна,« кажуть, »покладана за землю. Намъ несходно такъ багачко платити; ми пождемо лучче царського указу за волю (скрізь, бачте, думають люде, що це ще не кінець діла), — або скиньте намъ ціни трохи.« Панъ и каже: підпишіть ви першъ, а я тоді й ціну збавлю.— »Ба, ні, пане: якъ ви теперъ не хочете збавити, то вже коли підпишемось, коли наша рука тамъ буде, — и потімъ.« Воно й правда таки.

А ось, въ Ківшоватчині, у Молодецького, то пристали на чиншъ, а теперъ стараються грошей, щобъ то повикуплювати землю. Я оце якось доставъ мову п. Молодецького до Ківшоваської громади, и вамъ посилаю: послухайте, якъ то пани до насъ говорять (мова ця була говорена ще 26-го лютого;) не втерплю, щобъ не зробити де-якихъ увагъ и поправокъ.

»Я завжди бувъ для васъ, съ цілимъ серцемъ, вашимъ паномъ и

батькомъ ⁽¹⁾; теперъ радъ-би я, щобъ вамъ було якъ найліпше и бачити васъ щасливими ⁽²⁾.»

»Сказали мені, що ви хочете вашу землю викупити; я на те овшемъ ⁽³⁾ согласенъ; що тільки можна, то зроблю; *ціни на землю змѣняти я не маю права: на те єсть указъ!*, ціна поставляна въ указі,—*ніхто того перемінити не єсть праві* ⁽⁴⁾.—По 80 копійекъ на рубля позичає вамъ казна, 20 коп. на рубля повиннієте аплатити мені самі; ті 20 к. на рубля я вамъ розложу на часъ ⁽⁵⁾, щобъ вамъ було лехше: білше нічого зробити не могу ⁽⁶⁾.—Хто хоче викупитися и позичити гроші въ казні, повиненъ перше записатися на чинишъ; хто може заплатити самъ, не потребує чинишуватися и може викупитися заразъ. Отъ вамъ и все, люде добрі! я вамъ обьясняю, а ви самі громадою роздумайте и зробіть якъ лучше для васъ.»

Пісьля ради, громада пристала на чинишъ. Якъ волостний обьявивъ п. Молодецькому, що вράдила громади, тоді вінъ сказавъ такъ:

»Я зъ радостью довідуюся, що ви, добрії люде, хочете въ примірѣ другимъ бути—не відъ другихъ ⁽⁷⁾ примірѣ брати,—слава вамъ буде, Ковшоватьскі мої ⁽⁸⁾ люде!—Що могу зробити, то я вамъ сказавъ. При корисѣті ⁽⁹⁾ мого Юзефпольського сахарного заводу, которого ⁽¹⁰⁾ я поставивъ, лехко вамъ и дітямъ вашимъ прийде викупити землю, котора за немого літъ вамъ виплатитця. Теперъ одираваю васъ, призвавши у помощь великого Бога и Сина и Святого духа.»

⁽¹⁾ Якъ-би не такъ громада про пана казала, а не панъ объ собі, то булобъ доладу; а то трохи ніяково:—*propria laus sordet*.

⁽²⁾ Оне вже не гараздъ по-нашому; треба-бъ сказати: «щобъ вамъ було якъ найлучше, найкраще,—щобъ ви щасливі були;» та й не буде масло-масьляне: бо кому добре, той щасливий, а хто щасливий, тому добре.

⁽³⁾ Цѣго слова не чувъ я міжъ людомъ.

⁽⁴⁾ Чи справді?? А ну, спробуйте зумисне, пане Молодецький, подаруйте половину ціни людемъ. Брехуномъ мене въ-вічі назвете, коли хто що скаже,—та ще й люде подякують.

⁽⁵⁾ »На часъ,« значить—на годину, заразъ. Въ васъ кажуть: *на виплатъ* гроші розкладати.

⁽⁶⁾ Спасибі й за те!

⁽⁷⁾ По-нашому: »зъ другихъ.«

⁽⁸⁾ Колись були *ваші*, я теперъ—вибачайте.

⁽⁹⁾ Корисѣть для панської кишені,—та що зъ людей робитця!

⁽¹⁰⁾ »Мого—которого я поставивъ...« се вже не понашому,—та й не по-якому.

— Амінь, сказала громада. Амінь, скажу и я... Та вже й кінчатъ пора; другимъ разомъ білшъ нашиму.

У моєму листі, въ IV книжці Основи, є важна друкарська помилка: замість *ibi patria, ubi bene*, написали: *ubi patria, ibi bene*, зовсімъ навивороть.

Тільки—що прочитавъ я Неофитівъ; велика річъ! великого змалювавъ Шевченко Алкида, бо й самъ бувъ Алкидомъ... Царство тобі небесне, мученику праведний!

Всімъ землякамъ поклонъ зъ України.

И. Новицький.

ЯРМАЛОКЪ ВЪ БОРИСПОЛІ.

Сельскій *ярмалокъ*—явленіє чрезвычайно оригинальное. Желаящему изучитъ нашу сельскую промышленность стоитъ побывать на *ярмалку*: — здѣсь онъ найдетъ все, что производитъ наша почва, наше сельское искусство; найдетъ все, начиная съ зернового хлѣба и *конопель*, оканчивая *плахтами, брилями, колесами* и т. д.

Ярмалокъ—это эпоха въ особенности для женскаго пола. Каждая хозяйка берегаетъ до *ярмалку* продукты своего женскаго хозяйства и, на вырученныя деньги, покупаетъ на ярмалку нужное для нарядовъ и для *скрині*.

Дворовые люди мелкопомѣстнаго панства тоже съ нетерпѣніемъ ждутъ *ярмалку*.

Имъ обыкновенно обѣщается покупка матеріаловъ для одежды во время *ярмалку*.

Панночки радуются наступленію ярмалку. Ихъ сердобольные родители продадутъ *теляцю* или *корову* для покупки стальныхъ пружинъ и прочихъ продуктовъ французской цивилизаціи, этою стороною только и проникающей въ *будинки* нашихъ панковъ.

Нашъ Петропавловскій ярмалокъ, какъ и всѣ лѣтніе ярмалки, изобилувалъ *косами, брусами, серпами, брилями, черевиками и колесами*.

Серпы большею частью туземнаго производства: ими легче жать, чѣмъ привозными.

На косахъ въ этотъ ярмалокъ мы видѣли изображеніе двуглаваго

орла и надписъ «благослови Богъ Царя и жатву.» Оригинально пробуютъ косы: стучать ими и слушаютъ звукъ, пробуютъ пальцемъ остріе во всю длину косы, плюютъ на *прутъ* косы и кладутъ соломенку: «якъ коса добра, до соломенка обернетця коло прута.» Есть спеціалисты по части выбора косъ. За это имъ ставятъ могорычъ.

Русскимъ купцамъ не нравится продолжительный процессъ выбора косъ. Мы нѣсколько разъ на ярмарку видѣли сцены въ родѣ слѣдующей: купецъ раскричался на глухихъ хохловъ, за то, что долго возятся выбирая косу. «Якого жъ біса раскричався; ажежъ ти приіхавъ торгувать? дивись якій! ажежъ треба роздивитись попереду, та тоді куповать, щобъ не прийшлося послѣ такъ, якъ отъ кажуть: бачили очи, що куповали: теперъ плачте, хочъ повилазьте.»

Вообще нашъ народъ охотиѣе покупать у Евреевъ, чѣмъ у Великороссовъ. Съ Евреемъ можно торговаться; Еврей привѣтливъ и терпѣливъ. Если его и ругнуть, онъ слегка отшучивается. Такія замѣчанія, какъ наприм: «Ну, чи не чортивъ ти жидъ... Сказано—жидівська віра... Жидъ що ступить, то сбреше,» услышите на каждомъ шагу. Народъ употребляетъ эти выраженія безъ злобы, а Еврей къ нимъ привыкъ и только старается какъ бы хотъ немножко надуть мужика; мужикъ знаетъ, что его таки обманетъ жидъ и за это поглумится надъ жидомъ. Великорусскій кунецъ надуетъ больше, но это онъ дѣлаетъ съ чрезвычайною самоувѣренностью и чувствомъ собственного достоинства. Его зовутъ «кацапъ,» а онъ съ гордою усмѣшкою отвѣчаетъ: «Кацапъ, денежки зацапъ.»

Народъ не любитъ гордаго мошенничества, мошенничества болѣе опаснаго, потому что Еврей сколько ни клянись, ему не повѣрятъ. Еврей — невѣра; а какъ неповѣрять, когда божатся христовымъ именемъ?

Нѣкоторые предметы, какъ наприм. колеса, гершки, отчасти соль и рыба, на *ярмарку скуповуютьця*, такъ—что потребитель пріобрѣтаетъ эти предметы на *ярмарку* изъ вторыхъ уже рукъ.

Ярмарокъ явленіе мимолетное. Онъ скоро *сбієся*, скоро и *розбієжитця*: потому то всякій торопится купить и продать. Тамъ быть по рукамъ; тамъ слышатся оригинальныя выраженія при торгѣ: «Да корівка ваша вже стара.» «Ні, не стара; яка вона стара? всего сѣма наша.» — «Да вона, здаетця, зовсімъ не тільна.» «На *загороду* буде доітьця ..» Берить—бо за бичка 12 карбованцівъ? «Ні, мабуть и 16 у васъ зостанутця.» «Та нуте—бо, уступить.» «Що й казать! воду ва-

ри—вода й буде, а всиць крушівъ—каша буде; ажежъ я уступивъ, а ви прибавте—отъ и діло буде.»

Тамъ запивають могорычи, тамъ зовуть на могорычъ: »та идіть, бо магорічъ прохолоне. Все на вишивкѣ могорыча чрезвычайно умирительно. »Нехай вамъ Богъ щастить, нехай же поживите въ добрі и здорові.« На подобныя желанія со стороны продавшаго неменѣе щирая дяка за добрыя желанія со стороны купившаго.

Тутъ же, на ярмалку, *частують* другъ друга родственики и старые знакомые, живущіе въ разныхъ селахъ, которые отчасти по недостатку свободного времени, отчасти по привычкѣ къ домоѣдству видатся другъ съ другомъ только на ярмалку или на торгу. Частованіе это самага искренняго свойства; вспоминають родствениковъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Живымъ желаютъ всевозможныхъ благъ, умершимъ царствія небеснаго.

Вотъ пробіраются три слѣща и поють про пятницю: за пощеніе каждой пятниці обѣщається извѣстное благо; послѣ каждого куплета, слѣщы кланяются *миру*, а *миръ* имъ кладеть свою ленту. Здѣсь собралась толпа слушать лирника. »Заспівай правду,« сказали одинъ изъ окружавшихъ,—*стеновикъ*, съ чрезвычайно типическою фазіономією. Всѣ присутствующіе поддержали его, и лирникъ заплѣлъ »правду«. Надо было видѣть грустныя фазіономии слушателей послѣ стиха:

Съ братомъ на судъ стати—суда не зіськати:

Тільки срібломъ—золотомъ панівъ насичати.

Нѣсколько голосовъ съ горечью замѣтило: такъ, такъ.

Въ другомъ мѣстѣ, лирникъ плѣлъ *Дворянку*:

Що дворянська жона

Изъ розуму жила.

Сколько остротъ при плѣніи *Дворянки* и непритворнаго смѣха! »Що се, люде добрі:« вінъ на віру грає?—»Якъ можна! ему заплачено, сінъ зъ миру живе, а зъ миру по нитці, голому сорочка.

Рѣдкій изъ лирниковъ знаетъ историческія думы. Они поють или релігіозныя, или сатирическія, или просто шуточныя, своего рода нелюбо не слухай, а лгать не мѣшай. Довольно разу видѣть, какъ слушаютъ лирника, чтобъ понять, какъ важна ихъ роль.

Здѣсь кетати замѣчу, что старці присвоили себѣ монополію на вообраніе подаяній въ своемъ уѣздѣ, и старецъ другаго уѣзда дол-

женъ поставитъ могорычъ за право собранія подавннй; въ противномъ случаѣ, будетъ побитъ туземными старцами, что и случилось на ар-маркѣ съ однимъ старцемъ изъ сосѣдняго уѣзда.

Павло.

ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

(27 іюня 1862 г.).

Въ іюньской книжкѣ *Основы* за 1861-й годъ, въ «Вістяхъ» нѣкій господинъ изъ Черниговской губерніи, котораго просили писать обо всемъ, что будетъ любопытнаго *въ той мѣстности*, гдѣ, по его словамъ, живетъ онъ уже около двухъ недѣль,—извѣщаетъ *Основу*, что онъ сомнѣвается, удастся-ли ему сообщить что-нибудь подобное. Это сомнѣніе было совершенно основательно, потому, что въ такое короткое время собрать свѣдѣнія обо *всемъ*, что будетъ любопытнаго *въ цѣломъ краѣ* (?), рѣшительно невозможно.

Надо, однакожъ, сдержать обѣщаніе, и вотъ—онъ началъ писать... Онъ соболѣзнуетъ, что межеваніе въ нашемъ краѣ медленно подвигается впередъ: «и неудивительно,» пишетъ онъ, «потому что члены межевой здѣшней комиссіи, вмѣстѣ взятые, принадлежатъ къ возрасту, который вовсе не располагаетъ къ дѣятельности.» Неправда-ли, какъ это остроумно и эффектно? Въ опроверженіе краснорѣчиваго предположенія, я укажу на отчетъ за прошедшій годъ, составленный предсѣдателемъ Черниговской Межевой Палаты; изъ него видно, что та комиссія, въ которой г. писатель не предвидитъ никакой дѣятельности, напротивъ, оказалась одной изъ лучшихъ во всей губерніи, гдѣ межеваніе идетъ быстрыми шагами въ ущербъ предположенію писателя, невѣрному и несправедливому. То же самое можно сказать и о предположеніяхъ его, высказанныхъ въ мартовской книжкѣ *Основы* за нынѣшній годъ: онъ думаетъ, что межевымъ комиссіямъ той мѣстности, о которой онъ пишетъ, суждено состоять изъ членовъ рѣшительно неспособныхъ къ движенію и ко всякой дѣятельности, или по совершенной преклонности лѣтъ, или по необъятной тучности. Г. предво-

(*) Считаю своею обязанностью помѣстить это письмо, по требованію лица, для котораго оно должно имѣть значеніе. *Ред.*

датель, объясняя во время выборов важность дѣла, возлагаемаго на межевые комиссіи, полагалъ, что для достиженія этой цѣли, комиссія должна состоять изъ умныхъ и честныхъ дѣателей. По этому поводу г. писатель спрашиваетъ: «удовлетворяетъ-ли предводитель, избранный въ предсѣдатели межевой комиссіи, тѣмъ требованіямъ, о которыхъ только-что говорилъ самъ съ такимъ краснорѣчіемъ?» и отвѣчаетъ: «удовлетворяетъ трояко: 1-е, потому, что онъ предводитель, 2, потому, что его выбрали дворяне, и 3, потому, что ему нужны 2,000 рублей для поправленія своихъ обстоятельствъ.» На это троякое опредѣленіе я могу отвѣтить: 1-е, что предводитель могъ быть и не избранъ въ предсѣдатели межевой комиссіи, если-бы гг. дворяне не сочли для себя полезнымъ удостоить его новымъ избраніемъ, 2-е что гг. дворяне—не дѣти и, приступая къ выбору, не имѣютъ надобности руководствоваться ни чьими указаніями, и 3, что г. предводитель не искалъ новой должности для поправленія своихъ обстоятельствъ, которыя въ настоящее время нисколько не измѣнились за девять лѣтъ, съ того времени, какъ онъ былъ избранъ въ эту должность. Изъ этого видно, что г. писатель по молодости своей еще не бывалъ на выборахъ, или-же очень недавно началъ посѣщать ихъ; поэтому онъ и не можетъ судить объ нихъ основательно, и впадаетъ въ тѣ ошибки, которыя для всякаго очевидны. Ему кажется, что избранные непременно должны быть люди молодые; онъ, повидимому, не думаетъ, что опытность и знаніе могутъ быть въ людяхъ и немолодыхъ (*).

Въ заключеніе своей статьи писатель рассказываетъ слѣдующую исторію:

Въ нѣкоемъ уѣздѣ нашей губерніи, дворянство не имѣло собственнаго помѣщенія для своихъ собраній, а мѣсто было въ городѣ большое, славное; и вотъ предводитель задумалъ собрать съ дворянъ деньги и построить домъ. Сказано—сдѣлано; собрали деньги и приступили къ постройкѣ; надо же случиться несчастію: недоконченный домъ сгорѣлъ. Ну, сгорѣлъ—такъ сгорѣлъ: на то воля Божія. Но дѣятельный предводитель не могъ остаться спокойнымъ, и не надѣясь вновь собрать деньги, при первомъ удобномъ случаѣ, предложилъ дворянамъ продать мѣсто.

(*) Не одинъ этотъ г. писатель сообщалъ намъ, что дворяне не допускаютъ или почти не допускаютъ къ должностямъ молодыхъ людей. То же утверждаетъ и другой г. писатель, изъ Борисополи. При томъ, не безызвѣстно, что чинъ и богатство представляютъ въ глазахъ большинства гг. дворянъ главное мѣрило достоинствъ, а умъ и образованіе, пока, не пользуются полными гражданскими правами. *Ред.*

Дворяне согласились, можетъ-быть, изъ опасенія, чтобы не пришлось опять давать деньги на это мѣсто. Предводитель назначилъ, по собственному выбору, уполномоченнаго на оцѣнку и продажу; одинъ изъ дворянъ замѣтилъ несообразность этого назначенія, за что предводитель обидѣлся; гг. дворяне, изъ деликатности, не хотѣли прибавлять къ частному оскорбленію—оскорбленія цѣлымъ сословіемъ, и порученіе осталось за тѣмъ же лицомъ. Втихомолку совершилась оцѣнка и продажа, а дворянству было сообщено, что мѣсто ему принадлежащее пріобрѣтено г. предводителемъ за 400 руб. ср., на что и совершена законная крѣпость. Какъ видите, дѣло это, какъ выражается писатель, сдѣлано не чисто. А изъ подлинныхъ документовъ видно совсѣмъ другое; именно: по опредѣленію дворянства, состоявшемуся 6 февраля 1857 года, къ наличной суммѣ 841 руб. 59 коп. было позаимствовано изъ канцелярской суммы, съ возвратомъ, еще 900 руб., для покупки дома. За 1,600 руб. домъ купленъ со всею къ оному принадлежностями: двумя каменными погребамъ, кухнею съ чуланомъ, съ амбаромъ, ледникомъ, конюшнею, каретнымъ сараемъ, сараемъ для сѣна и для дровъ; и земли подъ усадьбою примѣрно до $\frac{1}{4}$ десятины. Для приведенія пріобрѣтеннаго дома въ совершенное устройство, дворяне опредѣлили, въ теченіи трехъ лѣтъ собрать деньги, полагая съ каждой десятины по 1 коп. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы на нихъ пристроить залъ, пріобрѣсть мебель и покрыть домъ желѣзомъ. Часть этихъ предположеній была исполнена; но домъ, отъ бывшаго въ городѣ пожара съ 29 на 30 число апрѣля 1859 года, сгорѣлъ, о чемъ и было заявлено дворянамъ въ собраніи 1860 года 9 февраля (*), съ представленіемъ подробныхъ отчетовъ объ издержанныхъ деньгахъ. Дворяне, принявъ во вниманіе, что часть дерева уцѣлѣла отъ пожара, а также осталось въ наличности 832 рубля 88 $\frac{1}{2}$ коп. отъ прежнихъ сборовъ, предположили опять сдѣлать сборъ, въ два года, съ каждой десятины по 1 $\frac{1}{2}$ копѣйки сер. На эти деньги опредѣлено было выстроить новый домъ, для чего и сдѣлано распоряженіе о немедленномъ заготовленіи необходимыхъ матеріаловъ, часть которыхъ была и пріобрѣтена; опредѣленіе же было представлено высшему начальству на утвержденіе; но, на основаніи пункта 3 ст. 122 т. 9 св. зак. о состояніяхъ, въ которой сказано, что «постановленія о денежныхъ скла-

(*) Было бы любопытно узнать, что мѣшало устройству дома въ теченіи трехъ лѣтъ? Ред.

дкахъ дворянства могутъ быть составлены не иначе, какъ по предложенію губернскаго предводителя дворянства въ губернскомъ собраніи, представленное постановленіе дворянства не утверждено; въ слѣдствіе чего, опредѣленный дворянами сборъ, а также и прежняя недоимка, не были взыскиваемы, и всѣ распоряженія по постройкѣ дома пріостановлены до разсмотрѣнія этого дѣла дворянствомъ. Въ собраніи 1861 года 11 апрѣля, дворяне, принявъ въ соображеніе все вышесказанное, и считая, по настоящимъ обстоятельствамъ, всякій лишній сборъ для себя обременительнымъ, опредѣлили: землю, на которой находился дворянскій домъ, а также заготовленное для постройки дерево, продать, но не дешевле 400 руб. ср., для чего и избранъ одинъ изъ дворянъ, которому за общимъ подписомъ и дано полномочіе, съ тѣмъ, чтобы онъ, по продажѣ земли и дерева, выдалъ покупщику законный актъ, а вырученныя деньги передалъ предводителю, для уплаты частью этой суммы съ наличными 569 руб. 69½ коп., долга канцеляріи; а остальные хранить впредь до особаго распоряженія дворянства. Изъ этого видно, какъ неосновательно и несправедливо г. писатель заявляетъ, что когда дворянскій домъ сгорѣлъ, то будтобы предводитель, не предвидя вновь собрать на оный сумму, выдумалъ штуку и предложилъ дворянамъ продать мѣсто: неосновательно потому, что дворяне, послѣ того какъ сгорѣлъ домъ, единогласно 9 февраля 1860 года опредѣлили вновь собрать сумму для постройки новаго дома, и когда ихъ постановленіе не было утверждено, то другимъ постановленіемъ, состоявшимся 1861 года апрѣля 11 дня, онѣ опредѣлили продать мѣсто вмѣстѣ съ оставшимся деревомъ, для чего и дали уполномочіе одному изъ дворянъ подписанное всѣми присутствующими; слѣдовательно никто изъ находившихся дворянъ не оскорблялъ предводителя, иначе тотъ бы и не подписался; да и обижать предводителя не было никакихъ причинъ. Къ этому необходимо прибавить, что мѣсто, гдѣ былъ дворянскій домъ, не очень-то *славное* и не совсѣмъ-то *большое*, какъ выразился писатель: не славное потому, что оно не на площади и не на большой улицѣ, гдѣ мѣста считаются лучшими, и не большое потому, что въ немъ нѣтъ и одной четверти десятины; продано оно вмѣстѣ съ оставшимся отъ пожара деревомъ не за 400, а за 500 р. ср.; продажа производилась не келейно, чего и сдѣлать не было никакой возможности, потому что уполномочіе было подписано предводителемъ и 46 челоѣками дворянъ, изъ которыхъ двое желали пріобрѣсть это мѣсто; одинъ изъ нихъ давалъ за него 350 рублей, а другой 400 р.; пред-

водитель, заплативши за него 500 рублей, купилъ его весьма не дешево, потому что тотъ же предводитель, къ тому же самому мѣсту, впоследствии времени прикупилъ землю, сообразно величинѣ—гораздо дешевле. Вотъ изъ какихъ вымысловъ составляются для нашихъ журналовъ обличительныя статьи, справедливость которыхъ не повѣрять же редакторамъ чрезъ своихъ агентовъ, — для этого они не имѣютъ ни средствъ, ни возможности (*).

ПОПРАВКА.

Въ майской книжкѣ *Основы*, я прочелъ, между прочимъ, что мельница, построенная близъ с. Млиновъ, обошлась казнѣ въ 40,000 рубл. ср.

Зная эту постройку, я вижу, что авторъ повѣрилъ невѣрному извѣстію о стоимости мельницы.

Въ 1847 году, казна, по смѣтѣ, отпустила на постройку вновь мельницы, называемой Лукашевскою, 2,594 р. 41 к. На эту сумму мельница и построена.

В. П.

ОБЪЯСНЕНИЯ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

XXXVII. — Селянинъ Хорольскаго уѣзда, Полтавской губ.

XXXVIII. — Церковь въ мѣстечкѣ Горошинѣ, Полтавской губ.

Л. Ж.

(*) Намъ кажется, что ошибки, встрѣчающіяся въ обличительныхъ статьяхъ, ничтожны въ сравненіи съ долей правды и съ пользою, которую приносятъ гласность. Никто не мѣшаетъ возражать; никому не откажутъ въ помѣщеніи возраженія, если оно не голословно... Разумѣется, когда люди молчатъ, тогда не ошибаются; но плохо то благоденствіе, которое измѣряется повсюднымъ молчаніемъ. Въ общественныхъ дѣлахъ, холодное, или трусливое, молчаніе иногда равняется преступленію. *Ред.*

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ находятся въ
продажѣ:

I.

ЛЕКЦІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ,

Н. И. КОСТОМАРОВА.

(Выпускъ первый: Разборъ Русскихъ Лѣтописей).

Цѣна **50 к. ср.** безъ пересылки.

II.

Кремудій Кордъ, **Н. И. Костомарова.**

Цѣна **1 р. ср.** съ пересылкою.

III.

Сочиненія И. П. Котляревскаго:

а) Энеида; б) Наталка-Полтавка; в) Москаль-Чаривникъ.

Цѣна **1 р. ср.**

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 7-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба́ли — рассказы, толки.
Баля́ка — пустой разговоръ.
Біѣ́зко — страшно, опасно.
Будова́ — постройки.
Вала́нтатись — возиться съ кѣмъ.
Влада́тись — походить на кого; предаться чему.
Весѣ́лка — радуга.
Ви́рячити — вытаращитъ.
Висоло́плювати язы́къ — показывать язы́къ.
Ві́ткну́тись — показаться изъ-за чего, высунутся, выдвинутся.
Ви́хрити — таскать кого за волоса.
Ви́апу́ски — не въ голенища, по поверху голенищъ (носить штаны).
Ворѣ́, — чокъ — огорожа, дерево для огорожи.
Вѣ́язну́ти — привязываться, лѣзть, куда не просятъ (перен.).

Га́ласъ — крикъ, шумъ.
Ге́пну́тись — повалиться, съ шумомъ упасть.
Герсо́ну́ть — кинутся, броситься, махнуть куда.
Гі́лка — палка, употребляемая при известной игрѣ въ мячъ.
Гні́отикъ — свѣтильня.
Горі́й — горше, болѣе, крѣпче.
Гу́льня́ — гулянье, потѣха.

Дога́нка — укоро́, попрекъ.
Дохожа́ла (дівка) — въ лѣтахъ, возрастная.
До-сто-ма́ть — (до-чорта) много, очень; (собств.) до ста матерей, — до чорта.
Драбича́ста коби́ла — лошадь, у которой ребра видны.

Жахъ — испугъ, страхъ.
За́дзвині́ти — зазвенѣть.
Задля́тись — замедлиться.

Закленце́вѣ́ати — заковать.
Замо́клий — промокли́й.
Замисли́тись — задуматься, обдумывать.
Заста́ва — підъ заста́ву — подъ залогъ.
Засту́пати — защищать, заслонять; замѣнять кого.
Затѣ́патись — забрызгать (подолъ одежи), испачкаться въ грязи.
Зви́дитись — привидѣться.
Зли́вки — на зли́вки ходи́ти — ходить на пирушку на другой день послѣ крестинъ, именинъ и т. п.
Зна́къ — що́ за зна́къ? — что́бы это значило?
За́па —
Зне́тельки — (зненáцька) — неожиданно, негаданно.
Зу́спі́ти — неожиданно настигнуть.
Зъ-де́бела — плотно, крѣпко.

Куна́ — тюрьма, яма.
Ка́дібъ — чанъ, кадка.
Карпі́тки — получулки.
Кла́нька — (уменьш. отъ—клу́ня) небольшая рига.
Краде́жка — (уменьш.) воровство.
Кра́та, гра́та — желѣзный переплетъ окошекъ.
Крише́никъ — кусочекъ.
Кру́зь — чрезъ, сквозь.
Ку́кіль — сорная трава.

Ла́нець — негодяй, дрянъ.
Лѣ́мбикъ — алеmbикъ.
Лоё́вий — сальный.
Ло́но, — род. п. — ло́ня — лono.
Гру́дь.
Лушпа́йка — шелуха.

Мандрува́ти — итти, побрести, уходить (обѣглыхъ).
Майдáнь — площадь.

Метну́тись — быстро броситься, засуетиться.

На-вчи́нку — на дѣлѣ, на мѣстѣ преступленія.

Наверну́тись — временемъ зайти, навѣстить.

Наванта́жить — накласть, наложить.

Навтикача — скорѣй бѣжать!

Намѣвленіи — подговоренный.

На-ручъ — съ руки, кстати.

Неви́вѣдній — постоянный, всегдашній, безостановочный.

Незна́емий — незнакомый.

Намну́тись — привязаться.

На-бръчакъ — на пристяжку.

Настовпу́житись — ошетиниться, взъерошить перья; (перен.) принять гордую осанку.

Наха́ба — бѣда, напасть (неожиданная).

Обго́втувати — приучать, умирять, обходить (обойдется лошадь).

Обезвѣ́чити — изуродовать; изувѣчить

Обо́(и)ручъ — обѣими руками.

Обу́ренный — разоренный, развалившийся.

Одкі́нутись — отказаться; отшатнуться.

Одмага́тись — отказываться.

Одмі́нокъ — — негодный, уродъ!

Одпихну́ти — отвергнуть, оттолкнуть.

Опі́знитись — запоздать.

Остовбѣ́ти — остолбенѣть.

Отара — большое стадо овецъ.

Отгада́ти — рѣшить загадку; угадать.

Пацю́къ — крыса.

Па́йка — паекъ, порція (особ. хлѣба).

Пильнува́ти — присматривать, беречься.

Піддрочи́ти — подбить кого, побудить къ чему, разшевелить.

Підпи́лий — подъ хмѣлькомъ, навесѣ.

Підті́кати — (собств.) — подобрать, подолѣ платья; (въ перен.) сбавить съ кого спеси.

Поганкува́тий — невзрачный, некрасивый лицомъ.

Позаставля́ти — позакладывать, заложить.

Половни́ця — которая полетѣ.

Помелѣ́о — метла, которой выметаютъ печку.

Помѣрхли́й — почернѣвшій отъ времени, померкнувшій.

По́спілаъ — на половину, по-поламъ.

Посто́лі — лапти.

Посу́тѣни — стемнѣть.

Потату́рится — ?уйти незамѣтнымъ образомъ, улизнуть; ? притвариться.

Поча́діти — угорѣть.

Призво́лятись — удовлетворять себя, ѣсть до сыта.

При́водъ дава́ти — примѣръ, поводъ давать, заправлять чѣмъ — напр. игрой.

Пригара́ка — пѣнка у каши, приставшая къ горшку корка.

При́горщъ — горсть.

Прима́нювати — приманивать, заочинивать кого обманомъ.

Прими́ла бѣ (тѣ и тѣ зрѣла) — готова, рада была бы (то и то сдѣлать.)

Притуга — у-притуги! — въ горѣ, въ бѣдѣ.

Приси́паться — привязаться.

Прити́ки дава́ти — задрѣвать кого, въ тупикъ ставить.

Прови́новатись — провиниться.

Проковти́ти — проглотить.

Пронбу́зувати — пронырливый.

Ра́тай — оратай, хлѣбопашецъ.

Рѣ́петъ — шумъ, крикъ.

Рознеми́тись — разболѣться, сильно захворать.

Руйнува́ти — разорять.

Саковкі́ — особеннаго рода сумочка, двойной мѣшочекъ ввидѣ кошелька.

Самѣ́тний — одинокій.

Скупъ — (грѣхъ мені бѣде за сей скупъ) — ѡкупъ.

Сочи́ти — (въ переноси.) — съ нетерпѣніемъ поджидать; высматривать.

Стѣ́бону́ти — хватить, выпить.

Тѣ́хкати — биться (о сердцѣ); шелкать (о соловѣѣ).

Уда́тись — удаться; походить на кого.

Уплоди́ти — урлить.

У-ра́нці — рано, свѣтомъ, на зарѣ.

Халабу́дка — небольшая, плохо отсоединенная, избушка.

Хви́стата зі́рка — (метла) — комета.

Хурбе́тъ —

Хутра́нка — кожушокъ на мѣху.

Ча́стка — часть, отрывокъ.

Шпурля́ти — швырять, бросать сильно.

Юрма́ — толпа, гурьба.

